

ВАЛЕРИЯ СОВЕТОВА
ЗОЛОТАЯ КНОПКА
ЦАРИЦЫ

Валерия Советова

Золотая кнопка царицы

«Автор»

2023

Советова В.

Золотая кнопка царицы / В. Советова — «Автор», 2023

Странно, когда твоя совесть живёт в другом человеке, но в 90-е возможно всё. Викина роскошная жизнь с богатым мужем, престижная работа, страстный любовник -- всё в прошлом. Впереди только нищие будни матери-одиночки. Она готова бросить дочь и сбежать из роддома, но подруга Катя отговаривает и забирает к себе. Стервозной гуляке тесно в жилище бедной учительницы. Вика молода, амбициозна и хочет от жизни большего, не в её характере сдаваться просто так. А Катя забыв о себе, живёт ради чужого ребёнка. Надолго ли её хватит?

Содержание

Часть 1. 1995 год	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	46
Глава 17	48
Глава 18	51
Глава 19	55
Глава 20	59
Глава 21	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валерия Советова

Золотая кнопка царицы

Часть 1. 1995 год

Глава 1

Цок-цок-цок.

Кто шумит? Когда в роддоме тихий час. Сердитые медсёстры обернулись. И замерли.

Молодая мамаша торопливо щёлкала каблуками вдоль коридора. Бесстыдница направлялась к выходу, ни у кого не спросив разрешения. Распахнутая песцовая шуба резво качалась над лаковыми сапожками. Снизу выглядывал край сорочки.

Отругать бы нахалку. Загнать в палату. Но сотрудницы роддома в первый момент растерялись.

Подчёркнуто прямая спина и вызывающе холёный вид дамочки заставляли смотреть вслед, восхищаться и завидовать. Каждая женщина жаждала набросить на плечи сияющий мех, распустить русые волосы кольцами и пройти так, чтобы каждый встречный сошёл с ума от восторга.

Первой опомнилась старшая медсестра.

– Стойте! – крикнула она, – Куда это вы направились, мамочка?

Женщина в шубе обернулась и вздёрнула подбородок. Она явно собиралась поставить на место «эту занозу», но сдержалась. Всё-таки соизволила пояснить:

– На улицу. К таксофону. Позвонить.

– Да вы с ума сошли! – возмутилась старшая, – Только вчера родила. Вернись в палату!

Немедленно!

– У тебя не спросила. – огрызнулась новоиспечённая мамаша.

Медсестра сделала несколько шагов и преградила пациентке путь, решив не выпускать чокнутую:

– Звони из ординаторской.

– Вот ещё! – мамочка откинула голову назад и ехидно усмехнулась, – Чтобы всякие курицы слушали мои разговоры?

– Женщина, уймись, – настаивала медсестра, – на улице январь. Мороз десять градусов. Вы грудь застудите, молока не будет.

– Молока?! – пациентка приподняла брови, – У меня его и так нет! И не появится! Обойдусь!

– Что вы имеете в виду? – работница роддома с нарастающим беспокойством ухватила пациентку за плечи.

Вдруг мамочка вывернулась и воткнула в её ногу острый каблук.

– Ох! – вскрикнула медсестра, от боли и неожиданности оседая на пол.

Ошарашенные коллеги рванули на помощь. Пациентка тем временем лихо обогнула скорчившуюся медсестру и проскочила в дверь с надписью «выход». Встревоженные санитары и врачи повыскакивали из кабинетов, но пока выбежали на улицу, пациентка скрылась из виду.

Оказавшись снаружи, Вика Стрельцова перевела дух: «Вот ведь прицепились! Как бы милицию не вызвали.» На улице и правда стоял сильный, продирающий мороз. Руки озябли. Вчерашняя роженица поплотнее запахнула шубу и двинулась прочь от временной «тюрьмы».

Вот и переговорный пункт. Вика достала из кармана бумажку с номерами. Самый первый было страшно набирать: от этого звонка зависело будущее.

Сняв трубку с рычага, девушка обернулась и посмотрела на нетерпеливо ожидающую очередь.

– Давай, звони уже, – бормотал мужик, стоящий впереди. – Не дождёшься тебя.

Вика сжала зубы и стала накручивать диск, набирая номер. Трубку сняли.

– Алё? – Стрельцова неожиданно услышала тонкий, беззаботный голосок... ребёнка? Не имея понятия, как общаться с детьми, она набрала воздуха в грудь и потребовала:

– Девочка, позови, пожалуйста, Игната Андреевича.

– За «девочку» спасибо. – засмеялись на том конце провода. Стало понятно, что говорит взрослая женщина и, судя по всему, счастливая. Она там живёт?

Спустя несколько мгновений к телефону подошёл Игнат. За шесть месяцев разлуки его голос ничуть не изменился.

– Привет...

У новоиспечённой мамочки пересохло в горле, говорить внятно не получалось. Однако собеседник тут же понял, кто звонит.

– Ну привет.

– Я родила... девочку... – Вика пыталась изобразить радость, но не получалось. Слова звучали плаксиво и заискивающе.

Мужчина на том конце провода молчал. Вчерашняя роженица ждала, нервно перебирая кольца телефонного шнура.

– Что ж, отличная новость... – наконец, произнёс он, – Поздравляю тебя и твоего мужа.

– Издеваешься! – взревела Стрельцова, – Прекрасно ведь знаешь, кто папа!

– Не стоит! – начал заводиться мужчина. – Ты всем доказала отцовство супруга. Справку добыла.

– Помогли добрые люди, – всхлипнула она. – Прости.

– Ты меня прогнала полгода назад. Сказала, чтобы близко не подходил!

От волнения Вика перешла на шёпот:

– Оставь прошлое. Я в отчаянном положении. Приезжай.

Он несколько мгновений молчал. Вика холодела, уже догадываясь, что беседа ни к чему не ведёт.

– Давай поженимся! Всё, как ты хотел. Будем растить дочь.

– Послушай, Вика. Я уже женат. И моя супруга беременна.

Собственно, он мог этого и не говорить. Было всё понятно и так. С того момента, как лёгкий девичий голосок, будь он неладен, прозвенел в трубке.

– Очень жаль, но я ничем не могу помочь. Иди к мужу.

– Мы развелись, – мрачно ответила Стрельцова.

В трубке опять стало тихо.

– Вот как! – отозвался, наконец, Игнат и уточнил, – Насовсем?

– Насовсем.

– Поня-я-ятно. – протянул бывший любовник, – И ты вспомнила: есть, мол, один такой дурачок влюблённый. Бросится к ногам – стоит только позвать. Нет уж. Сама наворотила – сама и разбирайся.

Он отключился. Разговор получился коротким и непродуктивным. Значит, и правда всё. Вика прислонилась лбом к аппарату. Слезы жгли глаза.

– Гражданка, поторапливайтесь! Нечего рыдать в телефонной будке. Тут всем звонить надо! – крикнули из очереди.

– У меня ещё два разговора! – торопливо откликнулась Вика, схватила трубку и еле слышно добавила, – Отвяжитесь.

«Нужно срочно звонить. Только кому? Бывшему мужу? Этому смазливому сынку богатых родителей? Бесполезно. Надо же было так по-глупому попасться – сболтнуть подруге при нём, что ребёнок от любовника. И как теперь прикажете жить? И младенца вскармливать? Конечно, при разводе удалось отсудить приличную сумму рубликов. Но ведь они вмиг растратятся с моими нуждами.»

Стрельцова ещё раз перечитала скомканный листок с номерами. На секунду задержала взгляд на втором, перечёркнутом. Родители ушли туда, куда ни позвонить, ни доехать. Впрочем, будь они живы – тоже большой вопрос, стали бы помогать? Последние четыре года Вика старательно избегала и мать, и отца. Постепенно они перестали беспокоить дочь.

За спиной снова зашумела раздражённая очередь. И Стрельцова торопливо набрала единственный номер, по которому можно было ожидать помощи:

– Катька! – закричала она, – Приезжай! Я сбежала из роддома...

Глава 2

Девушки подружились, когда вместе учились на филфаке. Катя Меркулова восхищалась Викой с самого первого дня знакомства. От сокурсницы прямо-таки веяло ароматом запретной авантюры. Она постоянно встревала в переделки и вовлекала в них Катю. И Меркуловой без этого жилось бы, наверное, скучно. Ведь сама она оставалась «комнатным цветочком», а ей жуть как хотелось перенять хотя бы часть той бешеной энергии, которая бурлила в подруге.

Катя не сомневалась, что Вика добьётся того, что подавляющему большинству людей кажется невозможным. В голове подруги то и дело появлялись удивительные, на грани сумасшествия, идеи.

Однажды она устроила «пляж» на крыше студенческого общежития. Умыкнула с вахты ключ от крыши, вытащила надувной матрац и устроилась загорать – и всё это во время семинара по культурологии. Соседки по комнате, все как одна, полезли туда же. Парни притащили алюминиевые тазы и вёдра с водой. Кто-то принёс магнитофон-кассетник – редкая вещьца. Студенты повылазили на крышу. Танцевали, песни горланили. Чудо ещё, что никто не грохнулся.

В другой раз подруга официанткой нанялась в дорогуший ресторан и Катю подбила сделать то же самое. В первый же день Стрельцова отличилась – в туалете сняла униформу и переделалась в вечернее платье. А потом пошла прямо в зал и, как ни в чём не бывало, села к незнакомым мужчинам. Те начали наперебой угощать новую знакомицу. А Катя подносила ей закуски. Кадровик так и не понял, куда подевалась новенькая.

Вику от её бредовых затей не могли остановить никакие препятствия. И Катя хотела этому научиться. Она верила, что, находясь рядом с подругой, в конце концов, сможет понять и свои мечты тоже. И не просто понять, а найти способы сделать их явью.

Однако Катя никак не могла приспособить к своему характеру выверты Стрельцовой. Хоть Вика и не была достойным образцом для подражания, но Меркуловой хотелось перенять толику раскованности, так свойственной подруге.

Поэтому до сих пор именно Вика беззастенчиво пользовалась привилегиями женской дружбы. Катя во всём её выручала, поддерживала, когда надо – утешала. А сама оставалась в тени.

Когда девушки закончили университет, их пути на время разбежались. Получив диплом о высшем образовании (между прочим, с отличием), Меркулова устроилась в школу учителем. Работа ей нравилась, дети вдохновляли, и Катя чувствовала, что делает благое дело. Скромной зарплаты едва хватало, но это не портило настроения. «Это сейчас, пока я начинаю, – думала девушка, – а там всё само как-нибудь устроится».

Личная жизнь Меркуловой пока не складывалась. Филфак – в основном, мирок девиц. А за его пределы Катя выходила, конечно, с Викторией. И всё внимание парней традиционно доставалось подруге.

Вскоре после окончания университета Стрельцова позвонила Кате. Та сразу поняла: случилось что-то из ряда вон.

– Я выхожу замуж! – в восторге кричала Вика.

Катя не удивилась. Она подозревала, что получит новость о свадьбе подруги именно так – быстро и триумфально. Жених, разумеется, не абы кто. Сын богатых. Отец – то ли депутат, то ли министр. Мамаша – правая рука, как и положено в таких семьях.

Меркулова слегка завидовала подруге, чего греха таить. У самой не то, что богатого, самого простого жениха не нашлось.

«Ну да ничего. – думала Катя, – Будет и на моей улице праздник. Когда-нибудь.»

На свадьбе подруги она исполнила почётную роль свидетельницы. Кажется, всё прошло, как надо: «Вику не опозорила».

У Стрельцовой (Долисовой по мужу) наступила новая жизнь. Насладившись роскошью свадьбы, подруга начала карьеру журналистки. В распоряжении Вики были теперь самые лакомые материалы – свежие новости, интервью со знаменитостями, мероприятия, куда приглашали только избранных. Она начала даже мелькать на экране.

Какой талант! Успевала не только хорошо работать, но и отдыхать так, что мама не горюй: каталась с мужем за границу, покупала вещи с ценниками в долларах. А потом непременно звонила хвастаться в подробностях, используя Катю в качестве слушателя. Меркулова не возражала. Она внимала рассказам подруги, стараясь не сравнивать свои скудные достижения с Викиными победами.

И всё бы хорошо – не случись этого.

Глава 3

Однажды Вика явилась поздним вечером и забарабанила в дверь:

– Ужас! Всё пропало! Спасай! – подруга влетела в квартиру. Она тяжело дышала, руки тряслись.

– Что случилось?

– Катя, он сейчас позвонит!

– Кто?

– Муж! Скажи, что я весь вечер у тебя сижу. Умоляю.

– Зачем?

– Не спрашивай. Потом объясню. Говори, что я у тебя. И мы пьём чай с четырёх часов.

– А он поверит?

Вопрос повис в воздухе, потому что в эту секунду раздался звонок. Вика вцепилась в подругу. Она силилась что-то сказать, но голос подводил.

Катя отодвинула Стрельцову, сделала успокаивающий жест и подошла к аппарату:

– Аллю.

Мужской голос в трубке неожиданно оказался спокойным. Звонивший вежливо поздоровался и уточнил:

– Катя, это вы?

– Да, – отозвалась девушка.

После дня свадьбы ей ещё ни разу не приходилось общаться с мужем подруги. Павел казался самолюбивым и заносчивым – типичный представитель золотой молодёжи. От таких лучше держаться подальше.

– Это Павел Долисов. Скажите, пожалуйста, моя жена у вас?

– Да! – с готовностью подтвердила Катя, – Позвать её?

Вполне естественный вопрос, но собеседник ответил не сразу. Катя ждала и надеялась, что Павел попросит к телефону Вику. А дальше пусть молодожёны сами разбираются. Меркулова не любила врать. Может, и в этот раз не придётся?

Но Долисов всё-таки спросил:

– А давно она у вас?

– С четырёх-ё-ёх ча-асов, наверное. – Катя замялась.

За спиной она услышала вздох облегчения. Девушка обернулась и посмотрела на Вику. Та стояла, прислонившись к шкафу, покусывала ноготь и неотрывно глядела на подругу.

Павел мягко попросил:

– Да, если можно, позовите её.

Катя жестом поманила Вику. Подруга торопливо сняла сапоги, пальто и подпрыгнула к телефону.

– Слушаю, любимый, – голос её чуть заметно подрагивал.

Судя по всему, Павел не удовлетворился ответом Меркуловой – продолжал задавать вопросы, но Вика постепенно успокоилась и отвечала увереннее.

– Да, прости, что не позвонила. Заслушалась Катюшку и совсем забыла о времени. Не надо приезжать, доберусь на такси. Не волнуйся. Целую.

Она повесила трубку и прошептала:

– Спасибо.

Катя ждала объяснений, но гостя будто вообще забыла, где находится: привалилась к стене, закрыла лицо руками и начала медленно сползать на пол. Сидела, не шевелясь минуты три.

Меркулова не выдержала:

– Может, объяснишь, в чём дело? Зачем ты меня заставила врать?

Вика заколотила кулаками по полу. Она выкрикивала несусветные ругательства в адрес мужа и ещё кого-то.

Катя испугалась. Выяснить отношения расхотелось. Когда подруга поутихла – налила в стакан воды, протянула. Та глянула мельком и отмахнулась:

– Мне бы что покрепче.

Из того, что покрепче, на кухне нашлась настойка черноплодной рябины, подаренная родственниками. Катя наполнила рюмку незваной гостье, но сама решила обойтись чаем.

Если подруга и продолжала нервничать, то получалось это у неё так элегантно, впору кино снимать. Вика достала тонкую сигарету, изящно затянулась и откинула голову назад, часто мигая на тусклую люстру. Глаза выдавали страдание, какое и не снилось святым мученикам. Куда им до бедной грешницы, попавшей в западню?

Шёлковое тёмно-изумрудное платье на подплечниках эффектно достраивало фигуру. Ну чисто статуэтка. Балерины позавидуют.

Вика закинула ногу на ногу, и юбка скользнула россыпью оборок. Меркулова залюбовалась платьем – конечно, она тоже хотела бы такое. Но спрашивать подругу, где и почём купила, не имеет смысла. Всё равно она не сможет себе его позволить. Элегантная роскошь, учтены детали: и пояс широкий, и пряжка золотистая, и пуговицы на манжетах в тон. Наряд явно не из дешёвых.

Стрельцова поднесла рюмку к губам и, будто в подтверждение обеспеченного положения, сверкнула золотыми кольцами. Два перстня – каждый размером с вишню. Тяжеловато для худых пальцев, зато выглядит богато.

«Не буду спрашивать. – решила Катя и тряхнула головой, – Нечего завидовать. Не нажила – значит, сама виновата».

Вика тем временем сделала глоток чёрноплодной настойки и скривилась:

– Поприличней ничего не нашлось?

Катя почувствовала себя виноватой.

– Ты же знаешь, я не пью. А живу одна. Зачем мне держать алкоголь?

– Ладно, – снисходительно улыбнулась Вика. – Учить тебя ещё и учить. Это всё, чем ты меня побалуешь? Как насчёт закуски?

– Пюре только что сварила и шпроты есть.

– Мечи всё на стол! – весело махнула рукой интриганка.

Катя со вздохом потянулась за тарелками. Судя по всему, подружка уходить не торопилась.

Хоть они и дружили со студенческой скамьи, угощать Вику пришлось полноценно, как гостя: подавать еду, наполнять стакан, убирать пустую посуду. Стрельцова требовала подать то соль, то воду, то салфетку. Когда Катя попыталась привлечь к застольным хлопотам и её – попросила нарезать хлеб, подруга будто не услышала – выглянула в окно и начала с преувеличенным интересом наблюдать, как пожилой сосед во дворе любовно моет старый «Москвич». У Кати возникло неприятное чувство, что Вика манипулирует ею, намеренно ставя в положение официантки.

Лишь когда хозяйка расставила по столу тарелки и села, Вика, нахмурив брови, заговорила:

– Паша семейные вопросы решает только с родителями. Со мной никто не считается.

– В каком смысле? – не поняла Катя.

– В самом что ни на есть. Они считают меня недоумком низшего сорта.

– Когда мы разговаривали по телефону, Павел волновался за тебя.

– За себя он волнуется, – Вика тихо выругалась.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Преувеличиваю? Да я в этой семье не могу сказать, как хочу провести выходные. Или где мы будем сегодня ужинать. Куда поедем отдыхать... Чихать они хотели на мои желания.

– Так ты из-за этого? – усмехнулась Катя, – Мне бы твои проблемы.

– Не только из-за этого. – оборвала Вика – Думаешь, я хотела быть журналисткой? Это они придумали. Престижно, видите ли! И удобно, когда в СМИ есть свой голос. А я ненавижу писать! У меня слова друг с другом не вяжутся.

– Мы же вместе закончили филфак?!

– Да я не чаяла его закончить. Лишь бы диплом получить. Куда мне было деваться после деревенской-то школы? Это единственный факультет, на котором недобор случился.

У Кати внутри всё начинало кипеть: «Подруга работает корреспондентом в крупнейшей газете города, да ещё и недовольна. Не хочет быть журналистом. Тексты не пишутся! Да если б меня, Катю, кто в медийный мир продвинул... Ах какие бы статьи я тогда писала. Какие репортажи бы делала.»

– Не моё это, понимаешь? – продолжала Вика. – Заняться бы чем-то красивым, эстетичным. Бизнесмены покупают жёнам салоны, бутики, а я что? Бегаю с микрофоном. Ах, благодарю, Звезда Иванна, что согласилась дать интервью.

– Ну ты даёшь! – покачала головой Катя, – С такими людьми встречаешься. Чем тебе знаменитости не угодили?

Подруга посмотрела на неё озлобленно:

– Да это просто унижение! Это они у меня должны просить интервью. Я член одной из богатейших семей города.

– Вика, что в этом унижительного? Такой старт. Многие мечтают оказаться на твоём месте.

– На моём месте! Уж и хлебнули бы они на этом самом месте.

Вика замолчала. Некоторое время курила, мрачно глядя в окно. Однако Кате не терпелось продолжить разговор.

– А зачем ты попросила сказать, что чаёвничаешь у меня уже с четырёх?

Подруга хмыкнула:

– Да ты поди и так уж поняла зачем.

– Нет, – опешила Катя.

Стрельцова развернулась к подруге всем корпусом:

– Как ты думаешь, это нормально, когда в семье один супруг изменяет другому?

Меркулова чуть не подавилась.

– Паша тебе что ли изменяет?

Вика посмотрела пристально, желая удостовериться, действительно ли подруга ничего не поняла.

– Кать... это я ему изменяю.

– Как?

– Обычно. – пожала плечами Вика, отправляя в горло очередную рюмку, – У меня есть любовник. Который, между прочим, дорожит мной гораздо больше, чем законный муж.

– Какой ещё любовник?

– Очень хороший. Порядочный человек, глубоко влюблённый в меня.

– Шутишь? А как же Павел?

– Павел чуть не раскрыл меня сегодня. Какой-то доброжелатель намекнул ему, что я гуляю на стороне.

– Этот твой другой, он женат? – уточнила Катя, почему-то уверенная в положительном ответе. Но Вика покачала головой.

– Не женат? – изумилась Меркулова. – Так почему ты не разведёшься с Пашей и не уйдёшь к...

– Уйдёшь к... – передразнила Вика. – Катя, ты думаешь, что говоришь? «Уйти к» – это означает лишиться всего, чего я добилась. Машины, работы, путешествий. Да с какой бы стати мне всего этого лишаться? Я останусь с носом. А Паша на следующий день женится на другой девке?

– Дела-а-а. Ну и что же дальше? Будешь продолжать встречаться тайком?

– Буду, – Вика посмотрела с вызовом, – пока что-нибудь поумнее не придумаю. Ты же меня не выдашь?

– Не выдам. – усердно закивала Катя.

Странно, но в кругу знакомых сплетен про то, что Вика изменяет мужу, не было. Внешне молодожёны оставались благополучной и дружной семьёй. На людях держались за руки, часто целовались. Подруга ничего больше не рассказывала о тайных свиданиях. Может, она перестала видаться с любовником. А может, хорошо конспирировалась.

Из любопытства молодая учительница время от времени спрашивала у Вики, что с её романом? Но та делала вид, что не слышит. И не зря, ох, не зря, Стрельцова игнорировала этот вопрос. Всего один раз не утерпела, сболтнула. И на тебе! Все планы о сытом, безбедном будущем пошли под откос.

Когда подруга позвонила Кате и похвасталась беременностью, Меркулова слегка опечалилась: «Ну почему я сама такая медленная? Не девушка, а тихход. Не торопясь закончила институт. Зависла на неблагодарной, малооплачиваемой работе. То ли дело подружка. Везде поспекает: и муж, и любовник, и журналисткой работает, а теперь ещё и ребёнка родит.»

Закавыка только в том, что ожидаемый отпрыск не от мужа, а от таинственного любовника, о котором учительница ничего не знала.

Вика, конечно, постаралась скрыть позорный факт: сделала липовую справку, подправив срок беременности. Кате сказала правду под большим секретом, когда их точно не могли подслушать. Приходить в гости стала чаще и призналась, что больше не видится с любовником. Слишком большой присмотр устроила ей семья в последнее время.

И всё-таки не выдержала один раз подруга, брякнула по телефону лишнее, не зная, что муж стоит за спиной и внимательно слушает.

Состоялся развод. Вика получила неплохие деньги, но жить ей стало негде. Катя пустила беременную к себе, благо квартира двухкомнатная. Уступила подруге единственную кровать. Сама довольствовалась жёстким диваном – ей не привыкать к неудобствам. Но всё же молодая учительница надеялась, что подруга скоро воссоединится с отцом ребёнка и уедет к нему.

Дни проходили. Вика даже не заговаривала о переезде. Катя беспокоилась и несколько раз пыталась поговорить с подругой о планах, но та отмахивалась. Однажды Меркулова не выдержала и спросила напрямую.

– Выгнать хочешь? – усмехнулась в ответ беременная.

– Да нет, – замахала руками Катя, – живи, сколько нужно. Но почему не звонишь отцу ребёнка? Ведь он теперь просто обязан позаботиться о тебе.

Стрельцова подошла к трюмо в прихожей, повертелась, прихватив руками платье так, чтоб оно плотно обтянуло живот, и обратилась к отражению:

– Ну и что-о, много в тебе красоты сейчас? Не-ет. Страшная. Толстая. Опухшая! Он ужаснётся! Не привык ещё к семейным обязательствам. Позвоню ему после родов. Когда встретимся, он снова увидит Вику, в которую был влюблён. Стройную. Соблазнительную. На таких мужчины женятся. А сейчас, что? Баба на сносях. Кому такая нужна в невесты?

Больше Катя не поднимала эту тему. Ждала, когда подруга родит, и всё больше переживала, что папаша не согласится признать ребёнка, и Вика тогда не съедет.

Подумав, Меркулова решила отнестись к этому как к неизбежности и начала готовиться. За два месяца до родов принялась обзванивать знакомых, у которых могли остаться детские вещи: пелёнки, распашонки, соски, бутылочки. Катя бережно складывала приданое в комод, а ещё записывала советы бывалых мамаш, как ухаживать за детьми, чем лечить если что.

«Скорее всего, никто моих стараний не оценит, – думала она, – Вика приведёт себя в порядок после родов, осчастливит, наконец, мужчину, который так долго и безответно за ней ухаживал. Мать с младенцем переедут из моей скромной квартиры в гнездо, которое совьёт новый глава семьи. Только почему подруга так уверена, что бывший её дождётся?»

Катя задавалась этим вопросом, но при Вике не решалась произнести его вслух – чтобы не волновать беременную, ведь это вредно и не нужно. К тому же она точно знала самонадеянный ответ: «Разве можно так просто забыть меня? Да он ещё года два будет скучать! Ни одна женщина со мной не сравнится». Но похоже, не только сравнилась, а ещё и превзошла. Ох уж этот рынок невест.

Глава 4

Катя примчалась, как только Вика позвонила. Новоиспечённая мамаша стояла посреди улицы в распахнутой шубе и как будто не чувствовала дикого мороза, который с каждым часом крепчал. Спутанные светлые волосы разметались по плечам, огромные глаза на худом лице заплаканы, косметика потекла и примёрзла к щекам. Посиневшие пальцы дрожали и теребили меховой воротник.

Хорошо, что Меркулова работала неподалёку. Всеми правдами и неправдами отпросилась, примчалась туда, где ждала Вика.

– С ума сошла! Жить не хочешь?

– Он меня бросил! На другой женился! У них семья.

– А ну хватит рыдать! – девушка стащила с себя шерстяную шаль и укутала подругу, – Ты ребёнка без отца оставила, а теперь и без матери – хочешь?

– Не думала, что он забудет меня так быстро. Я неудачница. Никому не нужна. Отомщу! Убью его!

– Вика, потом разберёмся. Сейчас тебе самой выжить нужно.

Катя потащила страдалицу в ближайшее почтовое отделение, где толпилось много народу. И слева, и справа то и дело кто-то толкал. Сразу пристали две старушки:

– Вы за кем будете?

– Ни за кем. – бросила в сторону девушка и стала допрашивать, – Вика, а ну говори, что случилось?

Стрельцова, рыдая, рассказала, как оставила ребёнка в детском отделении и ушла из роддома, поскандалив с медсестрой.

– Что ты творишь, безумная?

Вика только апатично поглядывала по сторонам:

– Катя, я не хочу туда возвращаться. Пусть делают с ребёнком всё, что угодно. Я не смогу быть матерью. Не сумею. Забери меня домой.

– Ну уж нет! – кнопки на шубе остервенело защёлкали, – Будешь матерью. Ещё какой! Пошли забирать дитё.

– Я откажусь.

– Я тебе откажусь!

Утепив роженицу, она потащила её за пояс к роддому. Там Катя хлопотала, уговаривала, умасливала. Не меньше сотни кабинетов прошла, кланяясь в ноги главному врачу, заведующему отделением, докторам. Всеми правдами и неправдами заставила Вику попросить прощения у медсестры, которой наступила на ногу. Это было труднее всего.

Врачи вошли в положение. Но выписать раньше времени категорически отказались. Рыдающую Вику отправили в палату, предварительно забрав ребёнка в детское отделение. Мало ли что.

В день выписки новоиспечённую мамочку с малышом встречала одна Меркулова. Она тщательно приготовилась: выстирала и отутюжила наряд для младенца, купила торт и объёмистый букет орхидей.

Молодая медсестричка прочиркала тоненьким голосом:

– А кто тут у нас папаша?

– Она. – Вика, не задумываясь, ткнула пальцем в подругу, – Катерина любых папаш перецеголяет.

Медсестра сконфуженно умолкла и покосилась на Стрельцову, слишком лощёную для матери-одиночки. Потом, спохватившись, девушка передала малышку спасательнице и взяв букет, поторопилась исчезнуть.

– Такси догадалась вызвать, надеюсь? – мамаша задрала подбородок, сунула руки в карманы и прошествовала к выходу.

– Конечно, машина у входа. – Меркулова дёрнулась в сторону двери и вдруг остановилась, заглянула в свёрток, который так тяжело было держать.

Крошечное личико слегка выглядывало из огромного пухового одеяла. Новорождённая сладко дремала, не кричала, не открывала глазок. Даже дыхания не было слышно, и это напугало: «А вдруг...». Она остановилась, поднесла ухо к лицу малышки и прислушалась: «Нет, всё в порядке. Дышит. Чуть заметно сопит, слава Богу!»

– Ну что там у тебя, Катька? – Стрельцова, распахнув дверь, раздражённо обернулась, – Ты чего, новорождённых детей не видела?

– Не-а, – Меркулова округлила глаза. Её осенило: «И впрямь не видела. По крайней мере так близко. И тем более не держала на руках. Ни разу.»

Вика хмыкнула и вышла из опостылевшего медицинского учреждения.

Катя держала свёрток бережно, как научили опытные коллеги. Помогая друг другу, девушки сели в такси, поехали молча домой. Водитель, видимо, почувствовав состояние Вики, с поздравлениями и вопросами не лез. Катя тревожно и растерянно посмотрела в кулёк, когда девочка захныкала и завозилась. А мать отреагировала раздражённым вздохом.

– Тише, тише, – ласково прошептала Меркулова. Новорождённая умолкла, вновь послышалось сопение.

«Что будет? Две женщины и крошечный ребёнок... Я, конечно, не выгоню Вику. Но из денег – только моя учительская зарплата и скудное пособие. У Стрельцовой после развода осталось кое-что. На два-три месяца в режиме строгой экономии хватит. Но что потом? Как выживать? Конечно, проще всего отказаться помогать. В конце концов, это не мои, а Викины проблемы... Но я так не могу! Одно дело – злиться на подругу, ругаться, что та напортачила, совсем другое – проявить равнодушие, совершить подлость: бросить человека в беде. Вернее, двоих. Ничего, и не такое в жизни бывает. Выкрутимся.»

Катя наблюдала проплывающие мимо тоскливые дома и старалась вспомнить все ободряющие слова, какие только знала.

«Что говорят, когда хотят утешить? Перемелется... мука будет. Не бывает безвыходных положений... Ты можешь всё! Какая банальщина!»

Глава 5

Подруги поднялись в чистую, стараниями хозяйки, квартиру. Пахло куриным бульоном, в спальне сквозь открытую дверь виднелись добротная советская колыбель и пеленальный столик, гора отутюженных подгузников радовала глаз. Сбоку от входной двери стояла коляска с рельефными солнышками. На кухне в большой скороварке прятались кипячёные бутылочки с сосками. Уже в роддоме выяснилось, что Викины прогулки не прошли даром – молоко пропало. Меркулова немало побегала по городу, чтобы найти адекватную замену.

Новоиспечённая мать вошла первой. Она заглянула в спальню, вздрогнула и проворчала: – Сколько ж надо хлама, чтоб держать эту малявку дома!

Катя нахмурилась, приоткрыла рот, чтобы возразить, но Вика выглянула из комнаты и, зачем-то погрозив пальцем, двинулась на кухню. Там она позвенела крышками, хлопнула дверь холодильника и, наконец, выдавила:

– Мда, Катюха... Основательно ты подготовилась... спасибо.

– Что-что? Неужели я слышу слова благодарности? – щёки Меркуловой тронула улыбка.

Девушка до сих пор продолжала стоять у порога с новорождённой на руках. Не могла придумать, как снять сапоги, когда обе руки заняты.

– Вика! – взмолилась она, наконец, – Хватит любоваться. Возьми ребёнка.

Та спохватилась и подошла, отнесла малышку на пеленальный столик. Меркулову поразило, как подруга это сделала – механически, без эмоций, будто не мать, а медсестра из поликлиники. Стрельцова даже не попыталась раздеть дочь, которая проснулась и тихо захныкала – только махнула рукой и ушла в зал:

– Катька, сделай, что полагается. Покорми эту спиногрызку. У меня никаких сил не осталось. Пойду посплю.

Меркулова подскочила к столику и испуганно закричала:

– Вика, ты что? Я не умею обращаться с детьми. Какое – спать? Вернись!

– Сама ничего не знаю, – подруга сладко зевнула. Судя по звукам, она уже устраивалась на диване. – Ты справишься.

Катя в недоумении посмотрела на свёрток. Девочка жалобно хныкала.

– Тише, тише... – она начала разворачивать одеяло, приговаривая, – Добротно медсёстры укутали. И как они пеленают, что младенцы не раскручиваются? Ни пуговиц, ни завязок...

Среди обилия ткани показалось красноватое тельце. «Надо срочно вымыть руки. – Катя метнулась в сторону ванной, – Нет, девочка может упасть.» – она шагнула обратно и закричала, отставив привычку вести себя сдержанно:

– Вика, твою... судьбу! Иди сюда и занимайся ребёнком, а то сегодня же выставлю за дверь! Обоих!

Вика моментально возникла у стола.

«Может всё-таки, когда хочет», – подумала Катя и, вдохновлённая первым успехом, начала руководить:

– Помой руки. Возьми бутылочку. Смесь на подоконнике. Разведи...

Через полчаса малышка спала, чистая и накормленная.

Подруги прокрались на кухню, Катя налила две тарелки супа. Когда утолили первый голод, поинтересовалась:

– Как ты назовёшь дочку?

– Что? – посмотрела рассеянно, – Ах да, надо как-то назвать. – новоиспечённая мать пожала плечами, – Мне всё равно. Как сейчас детей называют? Анькой, Машкой...

– Анькой, Машкой! – разозлилась Катя, – Не про хомяка речь! Имя выбирать надо вдумчиво. Знаешь, что... – девушка убежала в гостиную, вернувшись с толстой книгой, – Держи. Это словарь имён. И толкования есть. Какое имя отзовётся – такое и выбирай.

Вика взяла томик и без всякого энтузиазма начала листать.

– Агриппи-ина, Аграфе-ена, Милюти-ина... Кать, шутишь? Кто сейчас так называет детей?

Меркулова выхватила книгу:

– Вика, ты что? Тут много отличных имен. Юлия, Марина, Ева. Лариса, например, творчески одарённая, привлекательная.

– Вот как... – приподняла брови Стрельцова, – Ты и впрямь думаешь, что имя влияет на судьбу?

– Конечно, – удивилась, как подруга может сомневаться в очевидном.

– Ну что ж, – вздохнула молодая мать, – тогда мне и впрямь надо изучить твой словарик.

Глава 6

Катя боялась проспять работу и потому завела сразу два будильника. Среди ночи малышка проснулась, стала покрикивать, а Вику не добудиться. Врут, похоже, что мамы просыпаются даже от вздоха новорождённого. Где, спрашивается, у подруги этот хваленый инстинкт?

Зато у Кати, которая вовсе не была мамой, по непонятной причине выработалось сверхчутьё. Находясь в другой комнате, она слышала, как меняется ритм дыхания девочки, как та начинает возиться и плакать. Меркулова провела у колыбельки несколько часов и заснула только к рассвету.

С утра она потрясла Вику за плечи:

– Проснись, красавица. Завтрак готов.

– Отстань... я сплю, – зарылась в одеяло соня.

От кого-то из знакомых Катя знала, что новорождённые не просыпаются от шума. Покосившись на девочку, включила радио и прибавила звук: «Доброе утро. Семь утра.»

Взъерошенная Вика села в постели, пытаясь заткнуть уши одеялом. Даже сейчас, без причёски и макияжа, с заспанными глазами она выглядела свежей и по-девичьи трогательной. Меркулова невольно позавидовала худощавой фигуре и длинным белокурым волосам с лёгкой рыжинкой. Балует судьба подруженьку, как ни крути. Даже внешностью. Вот она, Катя, два часа у зеркала простоит, а смотреться будет, как замученная домохозяйка.

– Чего надо? – простонала Вика.

Катя протянула чашку свежесваренного кофе:

– Просыпайся. Я на работу. Будешь до вечера самостоятельной нянькой.

– Что?! – сделала глоток и закашлялась, – Ты меня хочешь оставить одну?! С ней?

Меркулова закатила глаза:

– Это твоя дочь. И кто-то из нас должен зарабатывать.

– Много ты добудешь. – съехидничала Вика.

Катя помолчала и наконец произнесла:

– Ты права. Я сегодня же приступлю к поискам новой работы. И ты, пожалуйста, помоги.

Мне нужна на эти дни твоя одежда.

– Это ещё зачем? – вскочила красотка и, сложив руки на груди, начала нервно мерять комнату шагами.

– Чтобы прокормить троих, мне понадобится высокая зарплата. А такую никто не даст бедно одетой девушке. Сама понимаешь.

– Да ты...! Да я...! – Вика начала глотать ртом воздух. Она не находила, что сказать. – Да ты и не влезешь в мои платья. Я же в два раза тоньше. И на какую должность собралась претендовать?

– Пока не знаю. Сейчас открываются новые школы. Частные. Может, в них платят больше.

– Не-ет! – покачала головой Стрельцова, – Моя одежда – это моя одежда! И я никому её не даю!

– Окей. – Катя прокатила по губам модное западное словечко, – Другого ответа я и не ждала. Прости, неловко было просить. Но лучше не тратиться сейчас на новое. Ладно. Сегодня я вряд ли попаду на собеседование. Подумай до вечера, может, выделишь мне какой-нибудь наряд – не самый твой любимый.

Она надела пальто и пошла к выходу.

– Эй! – Вика бросилась следом. – Не оставляй меня! Я не умею – с детьми. Сегодня из поликлиники придут. Будут спрашивать что-то по здоровью. А я не знаю, что отвечать.

– Ничего, справишься. – крикнула уже с лестницы.

В ответ полетела ругань.

Выбежав на улицу, Катя столкнулась с пожилой соседкой, подругой её покойной матери.

– Здравствуйте, Нина Ильинична.

Женщина остановилась, явно хотела о чём-то спросить, и Меркулова притормозила, боясь показаться невежливой.

– На работу бежишь, Катенька?

– Да.

Девушка втайне надеялась, что разговор не затянется, но соседка выглядела озабоченной.

– Золотце, говорят ты детские вещи собираешь? Это правда?

Понимая, что скрыть ничего не удастся, кивнула.

– Откуда ребёнок? Ты ведь не была в положении?

– Нет, конечно, тётъ Нин. Моя подруга Вика родила недавно и она поживёт некоторое время у меня.

– Вика? Стрельцова? – лицо приобрело неприязненное выражение. – Её, наконец-то, бросили все мужья-любовники?! А ты, добрая душа, спасаешь.

– А разве можно по-другому? Новорождённую девочку оставить без крова и помощи?

– Да-а, – протянула соседка, – умеет подруженька проехаться на тебе. Совсем не меняешься, Катя. Такая же молодая и глупая.

– Почему это я глупая? – обиделась девушка.

– Да потому! – отрезала Нина Ильинична. – Тебе самой замуж надо. И детей нянчить. Своих. А не чужих.

– Тётъ Нин, – Катя погладила соседку по сморщенной руке. – Спасибо, что беспокоитесь. Никого у меня нет больше, кроме Вас. Ничего. Видимо, не время сейчас. Я выйду замуж обязательно и детей рожу.

– Как же! – соседка смахнула набежавшую слезу. – Выйдешь? Родишь? Тебе бы на танцы сейчас и на свидание. А ты вон Вику с её отродьем опекаешь. Гони подружку в шею. О своих интересах пекись. Пусть она к любовничкам за помощью обращается.

– Пропадут они без меня, тётъ Нин.

– Стрельцова? Пропадёт? Ой, не смейся. – махнула рукой соседка. – Эта всегда выплывет.

– Она с ребёнком не справляется.

Нина Ильинична в задумчивости посмотрела на неё.

– Знаешь, что скажу тебе, девочка. Я в церковь хожу...

Катя испуганно покрутила головой, не услышал ли кто. Сколько помнила, родители никогда не заговаривали на подобные темы так запросто, на улице. Только дома шептались.

Нина Ильинична поняла её взгляд:

– Не пугайся так. Теперь это нормально.

Катя сомневалась. Большой риск, что вернётся старый строй, срок президента подходит к концу. Родители предостерегали: «В Бога верить лучше по секрету и молча.» А помощь Высшей Силы нужна, ох как нужна!

– Так вот, – продолжала тётя Нина, – в церкви этой – батюшка мудрый. Я хожу к нему за советом житейским. Исповедуюсь. Прошу направить на путь истинный... И сказал он мне, знаешь что? Ни один ребёнок не родится у случайных родителей. Каждая душа выбирает самых подходящих маму и папу. Поэтому в отношении детей с родителями никогда не вмешивайся. Если выбрала эта девочка себе Вику в родительницы, значит именно такая ей нужна для судьбы правильной. И главное, у девчушки абсолютно точно есть силы и способности жить с такой мамашей.

– Ох тётъ Нин, какие вы заумные вещи говорите. Я их не понимаю, – Катя прервала льющуюся потоком речь соседки. – Я не оставлю эту девочку. Она ни в чём не виновата. Да и потом, если бы я не вмешалась, Вика бросила бы дочь в роддоме. А значит, я тоже – её судьба.

Нина Ильинична зажала рот морщинистой ладонью.

Катя вежливо кивнула и продолжила путь. В уличной палатке купила несколько газет с объявлениями. Возрастная продавщица, укутанная в пуховые платки, поглядела с прищуром и отдавая покупку, придержала её руки. Меркулова потянула стопку газет на себя, чтобы уйти побыстрее. Меньше всего ей сейчас нужны были «добрые» советы. Но торговка не ослабила хватки. Катя поняла, что разумнее выслушать-покивать, чем спорить.

– Ты кто по профессии-то будешь? – полюбопытствовала продавщица.

– Учитель.

– Поня-я-ятно. Интеллигентша. – протянула торговка. – С твоим-то ремеслом далеко не уедешь. Никому не нужны училки больше. Работу потеряла?

Катя вздохнула.

– Дочка, – зашептала продавщица, – сейчас другие времена. Забудь об образовании и институтах всяких. Никому оно теперь не нужно. Окончи курсы маникюры и принимай на дому. Только так, чтоб хорошо и недорого. Как сыр в масле кататься будешь. У меня так подружка сделала, и она – нарасхват. Не держись за старое.

– Спасибо. Подумаю. – Меркулова попыталась растянуть губы в улыбке.

– Ой-ли, подумаешь? – усмехнулась торговка. – Слышь, девочка, это я так, про маникюр-то заговорила. На самом деле, мне сменщица жуть как нужна. Начальник, поганец, на выходные не пускает. Говорит, заменить некем. А я умогалась вконец. Сколько ж можно пахать без продыху, на чужого дядю, а?

– Спасибо. – Катя, наконец, вырвала руку у навязчивой торговки и запихнула газеты поглубже в сумку. «Только бы в школе ничего не заподозрили раньше времени.»

Глава 7

Вечером Меркулова еле дошла домой, ноги подкашивались от изнеможения. Сегодня она проштудировала украдкой все газеты о трудоустройстве. Несколько раз выбегала на улицу под разными предложениями и звонила с автомата. Успела пообщаться с завучами нескольких школ и вконец разочаровалась. На работу приглашали. Но зарплату обещали маленькую и намекали, что сильно задерживают. Это никак не устраивало.

Недавно в городе открыли две частные школы – для детей «новых русских». Меркулова рискнула позвонить и туда. Но её засыпали вопросами: «Говорите ли на английском? А есть ли образование психолога? Какой опыт работы с „нестандартными“ детьми?» Ни того, ни другого, ни третьего не имелось. Девушке объяснили, что нечего тогда соваться в элитные учреждения. Можно, конечно, отправить резюме, но ответа пусть не ждёт.

«Впору расплакаться. Совсем у меня не получается с людьми разговаривать. Будь я понаглее да понастойчивей, как Вика, то, возможно, позвали бы на собеседование. И я смогла бы понравиться тамошнему начальству. Ни на что я, Екатерина Андреевна, не гожусь. Неуверенная. Совершенно неприспособленная к жизни. По-другому и не скажешь. Слабачка. Трусиха.»

Многие объявления в газетах повторялись. Только под вечер девушка обратила внимание на вакансию, которую раньше не замечала. «В новую частную школу нужен педагог. От вас требуется: внимательное отношение к детям, гибкий творческий подход к преподаванию, интерес к психологическим наукам, готовность решать нестандартные задачи и перенимать новейшие методики. Звонить Вениамину Андреевичу и Римме Александровне.»

Объявление и заинтересовало, и насторожило. С одной стороны, написано точно про Катю: «Я же молодая и с педагогическим опытом. Психология интересна. Да и где вы в обычной школе видели стандартные задачи? Но уж слишком маленькое и невзрачное объявление.»

Две частные школы, в которых ей отказали, публиковали рекламу на полстраницы, с крупными буквами и фотографиями. От них так и веяло успехом. А в этом объявлении чувствовалось что-то домашнее, местечковое. Насколько серьёзное там учреждение? Не обман ли?

Редкое сочетание имени и отчества – Вениамин Андреевич, отчего-то казалось знакомым. Но где она его слышала – Катя вспомнить не могла.

Последний раз девушка отправилась по проторённой дороге к телефонному аппарату уже после шести, когда шла домой. Ей ответил зрелый женский голос с высокими нотами. Невидимая собеседница обрадовалась, что Катя окончила филфак.

– Тоже там училась. Уверена – найдём общий язык.

Они договорились о встрече. И время получилось выбрать удобное, завтра как раз после работы.

В прихожей встретила Вика с малышкой на руках. Новорождённая, кое-как прикрытая одеялом, беспомощно водила ручками. Запеленать её как следует у Стрельцовой не получилось.

Катя пригляделась, пытаясь угадать настроение подруги. Утренний испуг на лице прошёл, что уже радовало. Та хмурилась, поджимала губы, раздражённо дёргала плечами. Но в глазах читались деловитость, сосредоточенность и давно забытое: «Я могу».

Крошка забеспокоилась, захныкала. Стрельцова принялась энергично укачивать.

– Не так сильно, – предостерегла Меркулова.

– Поучи ещё. Предательница. – зашипела мамаша.

Катя рассмеялась. Вика одарила её колючим взглядом и ушла в спальню. По скрипу кровати стало понятно, что подруга всё-таки убаюкала дочь. Вскоре она вернулась в гостиную с пакетом и, не говоря ни слова, поставила его перед хозяйкой квартиры.

- Подобрала тебе тряпки. Носи. Получай удовольствие.
- Вика, что случилось? – Катя заметила, что глаза у подруги – на мокром месте.
- Мне теперь не найти работы, – заскулила Вика, плюхнувшись на диван.
- А ты искала? – изумилась Меркулова, устраиваясь рядом. – Когда работать собралась?

Как же ребёнок?

– Вольным журналистом попросилась на бывшее место. Главной редакторше позвонила, предложила статьи писать на дому.

Меркулова кивнула:

– Неплохой вариант.

– Она так не считает. – завелась Вика, – Сказала, что никаких материалов не примет. Пишу я так себе, беспонтово. Сотрудничать неинтересно. И я могу не тратить ни их, ни своё время.

Катя молчала. Надо бы утешить подругу. А как?

– Ещё мне посоветовали в другие редакции не соваться. Там тоже уважают мою бывшую семью.

Меркулова подпёрла щёки ладонями:

– Мне жаль.

– Так что вся надежда на тебя, Катюшка, – всхлинула Вика, – если не бросишь, конечно.

– Не брошу.

Стрельцова зарыдала. Катя обняла подругу и тоже заплакала, стараясь хлюпать как можно тише. Однако долго стоять в обнимку было некогда. Меркулова похлопала Вику по спине и сказала нарочито весело:

– Сейчас посмотрю, что ты для меня выбрала.

Она вытащила из пакета платье и задохнулась от восторга. Изумрудный шёлк водопадом скользнул на пол – тот самый наряд, с крупной золотистой пряжкой. В нём Вика прибежала после тайного свидания с любовником. Катя и не мечтала получить его – платье дорогое, вызывающе, элегантное.

– Вик, ты уверена?

– Да, а что? – подруга отвернулась, сделав равнодушное лицо.

– Думала, дашь мне что-то попроще.

– Но тебе ведь оно нравится?

Катя подошла к зеркалу и, приложив платье, залюбовалась. Оказывается, оно с запахом, и вполне может подойти, несмотря на то, что фигуры у подруг разные. Девушка сняла заколку и выпустила несколько прядей, чёрные волосы рассыпались веером по зеленому шёлку. Меркулова наклонилась к зеркалу и улыбнулась. Она совсем забыла, что и глаза у неё зелёные. Не всегда, конечно. При дневном свете выглядели серыми. Но сейчас платье подчёркивало редкий оттенок радужки.

«А ведь я могу быть хорошенькой, – подумала Катя, – в такой-то одежде. Да ещё если в парикмахерскую сходить и чёлку выстричь... и лаковые туфли на каблуках... да! – Меркулову всё ещё мучили сомнения, – С утра Вика так не хотела делиться одеждой, а теперь отдаёт лучший наряд, лишь бы я, выручила. Не слишком ли большая жертва?»

Девушка повернулась и прошептала с горечью:

– В этом платье ты ходила к нему...

– В этом платье я ходила на работу. – перебила Стрельцова, – А к нему удирала тайком из офиса. Наряд деловой, а на службу мне теперь нескоро.

– Можно мне его померить?

– Валяй! – махнула рукой Вика.

Катя сбросила унылый костюм училки и облачилась в наряд. Расклевещенная юбка вспорхнула, обняла и снова отпустила колени. «Какая мягкая ткань!» Девушка подняла край подола

и вдохнула аромат французских духов. Восторг – иначе не скажешь. Меркулова защёлкнула пряжку и поправила подплечники, чтобы платье село правильно. Оборки переливались, отражая свет.

Катя закусила губу. В таком платье нельзя тихушничать и отсиживаться в сторонке. Наряд обязывал к подвигам.

– Тебе идёт, – ревниво покосилась Вика.

Меркулова опомнилась: «Примерять наряд подруги будто красть чужую судьбу. Такое платье мне не по статусу, только внимание лишнее привлечёт. В школе сплетничать будут. Да и Вика в отчаянной ситуации. Забирать у неё одежду, последнее, что осталось от прежней беззаботной жизни? Нечестно.»

Катя помотала головой и расстегнула пряжку.

– Спасибо, но пусть это платье останется твоим. Слишком дорогое. Чувствую себя воровкой.

Вика рассмеялась:

– Я купила это платье в прошлом году, когда с муженьком в Турцию ездили. Там одежда дешёвая.

Катя не поверила, когда подруга назвала стоимость платья, но ей стало легче. Такую сумму она уж точно «отработала». Удивило, что красивая одежда может быть доступной. Девушка счастливо закружилась от того, что ей досталось такое шикарное платье.

– Пойду поглажу его?

Стрельцова махнула рукой. Катя прижала наряд к груди и поспешила в кладовку за утюгом. Вспомнив на бегу, спросила подругу:

– Как прошла встреча с педиатром?

– Не так страшен чёрт...

Глава 8

Катя проснулась, когда на часах ещё не было и пяти. Изумрудное платье, тщательно отутюженное, висело на двери. Девушка трепетно свернула наряд и положила в неприметный пакет. На работе в таком появляться точно не стоит. Начнутся разговоры, подозрения ненужные. Лучше взять платье с собой и переодеться прямо перед собеседованием.

Приняв душ, задумалась: «Может, накраситься?» В обычные дни она обходилась без макияжа – брюнетка может позволить себе не засорять кожу. Да и делать ресницы ещё темнее, когда итак черны, казалось вульгарным. Но в изумрудном платье оставаться с бледной кожей – обидно и немислимо. И Меркулова пристроила в пакете косметичку.

После некоторых колебаний девушка залезла вглубь шифоньера. Там пряталась шкатулка с сокровищами, которые остались от мамы и бабушки. Вытащила колечко с александритом, камнем, меняющим цвет с фиолетового на зелёный. Просто чудо, что не продала это украшение, даже когда денег катастрофически не хватало. Меркулова задумчиво повертела колечко на пальце и решила дополнить его тонким браслетом и цепочкой с кулоном в виде незабудок. Драгоценности она сложила в неприметный бархатный мешочек.

Едва рабочий день подошёл к концу, Меркулова поспешила на выход, прихватив собранный утром пакет.

– Опять детских вещей набрала? – полюбопытствовала учительница биологии.

– Ага, – отозвалась Катя: «Хоть бы не начали расспрашивать.»

Но учителя только перешёптывались:

– Торопится, бедная. Завела семейку...

Меркулова стиснула зубы. До собеседования оставалось часа два, и она запланировала ещё одну встречу.

Мама одной из учениц работала парикмахером-стилистом. Она давно зазывала молоденькую учительницу постричься. Меркулова вежливо отказывалась. С родителями школьников нужно держать дистанцию. А Ирина Витальевна ещё и принимала на квартире. «Идти стричься домой к ученику – верх неприличия. Но раз уж сегодня случился день нарушения правил, значит так тому и быть.»

– Екатерина Андреевна, я и не чаяла вас заманить! – хозяйка подскочила с такой прытью, будто в прихожую вошла, как минимум, звезда, – Давайте приму пальто.

Ирина Витальевна была одета в тёмно-серый фартук с фирменным логотипом. Диковинно для домашней обстановки.

– Мама, кто там? – в прихожую выскочила девочка с косой, обёрнутой вокруг головы. – Ой, – смутилась она, – Екатерина Андреевна, здрасьте!

– Здравствуй, Лена. – кивнула Меркулова ученице. Неловко, но что поделать.

– Брысь! – Ирина Витальевна шутиливо, но твёрдо указала дочери в сторону комнаты. Та кивнула и скрылась за дверью.

– Извините, – поморщилась стилист. – Маленькая она ещё и любопытная. Не успела объяснить, что нечего выбегать из комнаты, когда вы придёте.

– Не страшно, – пожала плечами Катя.

Ирина Витальевна провела её в ярко освещённую комнату, стены которой были сплошь покрыты зеркалами. В центре располагалось крутящееся кресло, а рядом тумба с парикмахерскими принадлежностями.

– Держу пари, Екатерина Андреевна, вы неспроста ко мне пожаловали. Свидание?

– Почти, – вздохнула Катя, – встреча. Важная.

– Понимаю, – Ирина Витальевна приблизилась и начала перебирать волосы. – Вы хотите подкорректировать или...

– Я хочу сделать чёлку. И вообще, мне бы что-нибудь покрасивее.

Ирина Витальевна хлопнула в ладоши:

– О-о, я ждала, когда вы решитесь!

Наступил час напряжённой творческой работы. Стилист прикалывала так и эдак Катины волосы, снова распускала. Она подстригала, меняла форму, выравнивала край. Меркуловой оставалось только удивляться, откуда у мастера столько терпения. Но она не возражала и не торопила Ирину Витальевну. Задача похорошеть была жизненно важной.

– Смотрите, – довершив последние штрихи, стилист развернула Катю к зеркалу.

В первый момент девушка не узнала себя. Чёрные волосы, которые она привыкла собирать как попало, теперь ниспадали вдоль лица. На кончиках локоны завивались спиралями. Прямая чёлка пышно стояла щедро облитая лаком.

Кожа казалась теперь белее, а глаза, даже ещё не покрашенные, стали выразительней. У Меркуловой была одноклассница-черкешенка, дерзкая девчонка, в которую влюблялись все мальчишки потока за её улыбчивые глаза с лисьей хитринкой. Так вот у Кати теперь такие же: глубокие, пронизательные, с чуть приподнятыми внешними уголками. Ни дать, ни взять – красота!

Девушка благодарно посмотрела на стилиста. Кивнув, та продолжала хлопотать с ножницами: проверяла, не остался ли хоть один волосок без внимания.

Времени до собеседования оставалось уже немного и Катя попросила разрешения переодеться. Когда она облачилась в изумрудное платье и вернулась в зеркальную комнату, стилист ахнула:

– На подиум! Прямо сейчас!

Меркулова смутилась:

– Подкраситься ещё хотела, но не знаю, стоит ли?!

– А в чём сомнения? – удивилась Ирина Витальевна, – На деловую встречу приходите без макияжа – плохой тон. А я, кстати, – пококетничала женщина, – учусь на визажиста. Если позволите, потренируюсь?

Катя вернулась к зеркалу. Кисточки запорхали по лицу.

– Слишком ярко тени и румяна не кладите, – наставляла стилист, – и запомните, Екатерина Андреевна, чёрная подводка – ваш друг на всю жизнь.

В памяти девушки всплыла крылатая фраза Коко Шанель: «Если женщина к тридцати годам не стала красавицей, значит она просто дура». Меркулова скосила глаза и подмигнула отражению. Всё-таки она успела похорошеть немного раньше.

Перед тем, как выйти на улицу, Катя надела прихваченные из дома кольцо и цепочку с кулоном.

– Ох, какая вы! – Леночка вышла попрощаться и теперь смотрела на учительницу так, как глядела бы на Мэри Поппинс, явись сказочная няня к ней домой.

– Удачи на деловой встрече. Чувствую, не быть вам больше «училкой», – пошутила Ирина Витальевна.

Преображённая девушка вздрогнула. Посмотрела на часы. Пора. «Жаль, конечно, натягивать поверх изумрудного платья унылое пальто. Но тут уж ничего не поделаешь.» Её утешало, что офис, где назначили встречу, находился всего в пяти минутах ходьбы. Вполне можно и потерпеть.

Глава 9

Меркулова проскочила через стеклянную дверь и очутилась в холле.

Помещение освещалось гигантской люстрой, лампочек на тысячу не меньше. Мраморные полы сливались в единое полотно с зеркальными стенами, расширяя пространство. Десятки благополучных людей, подтянутых, разодетых в яркие костюмы, прогуливались по коридорам, приветливо улыбаясь друг другу. Здесь даже предположить было странно, что можно остаться без работы. «Её выше крыши! Многообразная, интересная. Будь на виду, красуйся, тогда тебя заметят и наймут.» – говорило всё их поведение.

Расправив плечи, Катя пошла к лифту. Вместе с ней в тесную кабинку нырнула девица в красной блузке и юбке, укороченной по самое «не балуйся». Меркулова критически покосилась на попутчицу: «Что за мода пошла?»

– Извините, не подскажете, где тридцать пятый кабинет? – спросила, стараясь не опускать взгляд на чересчур оголённые ноги.

Девица повертела в руках сигаретку:

– Так на третьем. Там двое зануд престарелых. Не видала их что-то сегодня. А тебе они зачем?

Меркулова поджала губы и отвернулась. «А тебе зачем это знать?» – вертелось на языке. В школе никто и помыслить не мог обратиться к учителю «на ты». Неужели в остальном мире правила хорошего тона больше не работают?

– Шагай прямо, не ошибёшься, – напутствовала девица, когда двери лифта разъехались.

Катя бочком протиснулась к выходу и кашлянула, чтобы продышаться от табака и пыли. Пальто сняла и перебросила через руку. Осторожно поцокала каблучками по скользкому полу.

Навстречу прошли двое мужчин. Они прервали беседу и проводили девушку заинтересованными взглядами. Ещё ни разу на неё не смотрели так. «Гм, занятно. Всего-то и стоило, что надеть платье поинтересней да сменить причёску. Или дело в другом?»

Тридцать пятый кабинет оказался заперт. Меркулова подёргала ручку, постучалась, но никто не ответил. Растерялась. Замерла. Вдруг изнутри послышался зычный женский голос:

– Иду, иду!

Дверь открыла полногрудая дама, похожая на оперную певицу – статная, с чёрными буклями на голове. Тёмно-красное платье с люрексом, источало аромат духов «Красная Москва». Из-под необъятной плиссированной юбки выглядывали гротескно-тонкие шиколотки.

«Оперная певица» отступила и сделала приглашающий жест, исполненный воли и грации. Меркулова вошла, почувствовав себя марионеткой.

– Какая вы красавица! – произнесла дама вместо приветствия, – И глаза умные. Очень интересно побеседовать с вами.

Она сощурилась в улыбке и протянула пухлую руку. Меркулова растерялась от такой гаммы эмоций, но поспешила ответить на рукопожатие. Встречающая придержала её ладонь чуть дольше, чем полагалось, и едва заметно подмигнула. Казалось, хочет то ли успокоить, то ли приободрить. В облике «певицы» появилось что-то дружеское и домашнее. Она даже напомнила Кате заботливую няню, которая может крепко обнять и погладить по голове. Такие говорят детям, да и взрослым тоже: «Забудь о неурядицах! Всё неважно. Выпей молока с печеньем – станет легче.»

– Простите, – дама чинно сложила ладони на груди, там, где сердце. – Не подумайте, что пытаюсь перед вами заискивать. – громкий и певучий голос вполне соответствовал её внешности.

– Вы Римма Александровна? – решила уточнить Меркулова.

Мало ли, вдруг забрела не туда? Сомнения и впрямь возникли. Никакой школы или детского центра тут не наблюдалось. По крайней мере, пока. Только голые стены, покрытые свежей побелкой. В коридоре – гора обоев и банок с краской. В воздухе – аромат свежего дерева, клея и ещё бог знает чего.

– Всё верно, я Римма Александровна. – ответила женщина и добавила, – Как видите, у нас ещё ремонт.

– Кто там? – вдруг послышался из глубины коридора ворчливый мужской голос.

– Вениамин Андреевич, к нам на собеседование пришли. Очень милая девушка. Школьный учитель.

Послышалось шарканье. В мужчине Катя сразу распознала врача – худой, невысокий, слегка сгорбленный, сосредоточенный взгляд сквозь очки в роговой оправе. Не хватало только халата. Казалось, будто Вениамин Андреевич только что его снял.

– Рад знакомству, – деловито кивнул мужчина

Катя осторожно спросила:

– Вы имеете отношение к медицине?

Он усмехнулся, а Римма Александровна посмотрела на девушку с уважением:

– А вы проницательны, Катенька. Вениамин Андреевич – профессор кафедры детской неврологии и почётный эксперт в «Институте мозга».

Катя всплеснула руками:

– Точно! А я всё думаю, откуда мне знакомы ваши имя и отчество? Вениамин Андреевич... Вёчеров?

– Вы правы, – мужчина глянул поверх очков. – Я Вениамин Андреевич Вёчеров, а это моя жена – Римма Александровна.

– Какая честь познакомиться с вами лично! – Меркулова чуть не задохнулась от волнения. – Вы пишете книги о детском развитии. Я прочитала несколько. Применяю ваш опыт, когда работаю с учениками.

Профессор слегка поклонился, приложив руку к груди. Он был явно польщён.

– Дорогая, – сказал он супруге, – давай покажем Екатерине Андреевне нашу будущую «Пружинку».

Римма Александровна кивнула и поманила девушку за собой.

В гардеробной ремонт почти закончился. Высокие стойки с вешалками соседствовали с крошечными детскими. Повсюду стояли разноцветные пуфики и скамеечки. Мебель, сразу видно, подобрана с любовью. На стенах красовались сценки из сказок. Катя присмотрелась внимательней. Многие картины не соответствовали знакомым с детства сюжетам. Где это видано, чтобы Красная Шапочка дружески обнимала волка и кормила его супом из миски? Или чтобы Колобок шагал по тропинке за лапу с лисой?

– Это рисовал на заказ один из моих учеников, – с гордостью сообщила Римма Александровна. – Видите ли, Катенька, я не люблю, когда у сказки несчастливый конец. Лучше, когда побеждает дружба, ведь правда?

Меркулова пожала плечами. Она не считала, что перевирать сюжеты сказок правильно.

Во второй комнате пакеты и ящики громоздились друг на друге: кубики, буквы, металлические конструкции.

– Развивающие игрушки, – пояснил Вениамин Андреевич.

– Можно посмотреть? – Катя загорелась любопытством. Вёчеровы кивнули одобрительно, но всё же не сводили с девушки пытливых взглядов.

Меркулова заглянула в одну из коробок и замерла. Ладони ухватили удивительное произведение столярного искусства – композицию из шнурков, пуговиц, кнопок. Настоящее раздолье для шаловливых ручек! На гладко обработанной доске длиной около метра красовался нарисованный теремок. Крошечные оконца и двери не только открывались, но и запирались

миниатюрными замками на ключах и задвижках. Из окна выглядывал знаменитый волчок – серый бочок, помахивая пружинчатой лапой. Неведомый мастер нарядил зверя в бархатную курточку на молнии, которую можно расстёгивать. Перед лисичкой-сестричкой красовалась бутылка газировки величиной не больше напёрстка. Крышка у неё отвинчивалась по-всамделишному.

«Вернуться бы в детство, где родители укроют в гнёздышке от сложностей взрослой жизни: требовательной директрисы, маленькой зарплаты, равнодушных мужчин, не зовущих на свидания...».

Катя вспомнила упоительно мягкий диван в своей детской. Она с пяти лет убирала его сама, разглаживая каждую складку на плече. На стене висел ковёр, кажется, с оленем посередине и замысловатым узором по краям. И любимая игрушка – собачка Жуди из плюша. Она смотрела так преданно янтарно-чёрными глазами. Казалось – внимательно слушает. Катя доверяла ей такие «страшные» тайны, которые не полагалось знать даже лучшим подругам. Жуди потерялась, когда хозяйюшка училась во втором классе. Это была горькая утрата.

Погружённая в воспоминания, девушка отодвинула крошечный шпингалет. Миниатюрное окошко открылось. На неё глядела собачка с хвостом из ниток. Как, однако, похожа на давно потерянную Жуди. Меркулова заморгала и отвернулась. «Только бы сдержаться. Не заплакать.» Она переключилась на другие игрушки. Чего тут только не было: мячики, музыкальные инструменты, кукольная посуда. Нажала ладонью на брюхо огромного белого медведя и спохватилась: «Пора возвращаться во взрослую жизнь! Всё-таки я пришла на собеседование. Надо постараться расположить к себе Вечеровых.»

Римма Александровна кивнула с одобрением:

– Пойдёмте в кабинет. Наш чай вам тоже понравится.

Меркулова торопливо поднялась с колен.

Глава 10

В центре директорского кабинета стоял внушительный стол. Увидев его, девушка вздрогнула. Он напоминал бандитские могилы, которые видела на кладбище, когда навещала родителей: грозные, вызывающе дорогие, все как одна – из чёрного гранита. Стол не был чёрным, скорее, тёмно-бурым. Но впечатление производил похожее – будто создан для жёстких переговоров, когда стороны готовы грызть друг друга насмерть.

Катя подумала, что если собеседование будет проходить за этим столом, она его точно провалит. Однако опасения не оправдались. В левой части кабинета обнаружилась уютная гостевая зона с креслами и журнальным столиком. Туда Вёчеровы и пригласили девушку.

Чайник, похожий на арбуз, выдыхал из носика пары мелиссы. На белой салфетке хорошо расположились три фарфоровые чашки, похожие на маленькие скульптуры. Под каждой – золочёное блюдце-лодочка.

Катя придвинула к себе одну из чайных пар и с удовольствием постучала по ней ногтем. «Роскошная посуда! С такой можно в сарае пить дождевую воду и чувствовать себя как в ресторане. Хотя покупать дорогие плоски – явное излишество. Особенно для меня. Гости заходят редко ко мне, а себя зачем баловать лишней раз?» Посередине стояла тарелка с горкой кремовых пирожных и девушка проглотила слюну. «Меня встречают как очень важную персону», – подумала Меркулова.

Ей ещё не приходилось бывать на собеседованиях. В школу чуть ли не за ручку привёл преподаватель из университета. Директор задала несколько формальных вопросов и Меркулова приступила к обязанностям. Сейчас ситуация была другая. Девушку оценивали, и она не слишком понимала, как себя вести.

Кресло было слишком мягким и низким, поэтому Катя села подальше от спинки. Как примерная школьница, сдвинула колени вместе и положила сверху ладони. «Я им понравлюсь. Понравлюсь. Обязательно понравлюсь.» – повторяла она про себя.

Римма Александровна захлопотала, разливая чай по чашкам. Ещё сильнее запахло мелиссой. Дачный аромат, знакомый с детства, не успокоил, а, напротив, встревожил. Меркулова боялась расслабиться, впасть в состояние дремоты и оттого показать себя не с лучшей стороны.

Вениамин Андреевич поправил очки, положил перед собой солидный блокнот в кожаном переплёте и ручку. Собеседование началось. Вёчеровы попросили рассказать о себе. Девушка готовила этот ответ, даже записала на бумажке и выучила. Но сейчас внутри будто до предела натянули металлическую струну.

«Спокойно, без паники. Ничего не случится. – она сцепила руки на коленях. – Только бы пальцы не дрожали. Только бы не начать заикаться.»

Катя взгляделась в лица Вениамина Андреевича и Риммы Александровны. Нет, всё в порядке. Её волнение, похоже, осталось незамеченным. Надо постараться выровнять дыхание. Где-то давно девушка читала, что это помогает. И правда. Вот удалось, наконец, разомкнуть губы и рассказать, как несколько лет работала в школе. Начало было положено, хотя тревога не уходила.

Римма Александровна тоже до недавнего времени, оказывается, работала учителем. Стала забрасывать вопросами. Говорить о деле намного проще, и Катя вздохнула с облегчением. Про учеников она могла рассуждать часами, знала, как помирить драчунов, успокоить капризников, как за пять минут привести в чувство взбаламученный класс. Непримиимые хулиганы усердно выполняли задания под её строгим взглядом. Даже опытные коллеги то и дело обращались за помощью и советом. И на короткий миг Меркулова почувствовала, будто не на собеседование пришла, а на чаепитие к друзьям.

– Как мы поняли, Катенька, своих детей у вас пока ещё нет. – Римма Александровна подчеркнула слово «пока». – Но представьте, будто у вас уже есть сынишка лет пяти. Как хорошая мама, вы проводите с ним много времени и вдруг, замечаете, что малыш всё время ругает себя: «Я плохой, ужасный, глупый». Вы, допустим, возражаете: «Ты хороший мальчик». Но это не помогает. Как поступить в таком случае?

Вопрос определён на знание детской психологии. Катя читала кое-что по этой теме, но точного ответа не знала.

– Каждая ситуация индивидуальна, – подумав, ответила Меркулова, – но, думаю, мальчик просто нуждается в одобрении. Если он заметил, что, когда ругает себя, его сразу хвалят... то значит, ради этого ребёнок и «старается».

– Допустим... – кивнула Римма Александровна. – И как же вам, маме, нужно себя вести?

– Я бы стала чаще хвалить. Но делать это не тогда, когда он себя ругает.

– Прекрасно! – театрально взмахнула руками Римма Александровна и откинулась в кресле. Показалось даже, что она мурлыкнула от удовольствия.

Вёчерова вдруг замолкла, призадумалась, затем подхватила кожаный блокнот Вениамина Андреевича и стала торопливо писать. Он бросил удивлённый взгляд на жену, но продолжил собеседование, а Римма Александровна вывела ещё пару строк и сунула мужу. Тот прервал речь и поднёс тетрадь к лицу, видимо, не различив буквы, снял очки и вновь вчитался бормоча: «Ах да! Я и не вспомнил... что дома жарится картошка!»

Катя догадалась, о чём забыли улыбающиеся супруги на самом деле. Задать вопрос, которого она так боялась. Девушка вцепилась в подлокотник. Вёчеров хотел продолжить разговор, но в этот момент мимо окон прогремела машина: «Дева-дева-дева-девочка моя...» – голос, пропущенный через мощную аудиосистему, заполнил пространство.

– Больница для умалишённых! – Вениамин Андреевич отшвырнул блокнот, – Невозможно найти нормальное помещение! Шумоизоляцию надо дорогую. И со временем опять надо будет переезжать. И опять траты! Бестолковые траты!

Римма Александровна поджала губы:

– Что поделать? – горестно вздохнула она. – И так полгорода объехали. Нет тихих мест.

Катя робко начала:

– Я заметила, что несколько комнат выходят окнами во двор. Там потише, кажется. Можно попробовать оборудовать их под детские. Только на окна надо повесить плотные шторы. И стены заставить деревянными шкафами – они хорошо скрадывают шум. А на пол пушистые ковры постелить можно... Хотя это сейчас несильно модно...

Меркулова запнулась. Вообще-то, не в её правилах советовать, когда не спрашивают. Вёчеровы могут принять за выскочку, которая из кожи вон лезет, чтобы показать себя. Она таких презирала. Подумалось даже, что супруги-учёные цыкнут: «Спросим – тогда и ответите». Так обычно директор в школе ставила на место зарвавшихся подчинённых. Но, удивительное дело, Вениамин Андреевич и Римма Александровна отнеслись к её предложениям с интересом.

– Мы рассуждаем так же. – кивнул Вёчеров, – Разбираетесь в ремонтах?

– Не особо. – Катя покраснела, – Прорабом работать не приходилось, но свою квартиру приводила в порядок сама. Я же одна. Из родных никого не осталось. И доходы... Сами понимаете, какие зарплаты сейчас. Поэтому главные навыки – приспособливаться и обходиться малыми средствами. Могу найти, где дешевле. Старую одежду перешить в новую. Приготовить сытный обед из остатков.

Как получается, что она, такая застенчивая, вдруг начала себя нахваливать? Будто в ней проснулась новая личность, не желающая подчиняться. Независимо от Кати эта личность решила взять Викины платья, выстричь чёлку, а теперь ещё и развела целую кампанию само-

рекламы. А настоящая Меркулова сгорает от стыда и ни перед кем не хочет выступать. Ей бы забиться в уютную норку... Но только и норки больше нет. Дома Вика с несчастным младенцем, ухаживать за которым опять же бедной учительнице. И некуда скрыться.

– На какую должность вы меня рассматриваете? – вдруг выпалила она, а в мозгу стучало: «Что я делаю? Что я делаю?»

– Пока не знаем, – Вечеров поднялся, озадаченно глядя на девушку. – Нам с женой нужно посоветоваться, прежде чем сделать предложение.

– Значит, предложение прозвучит? – Катя тоже поднялась, не желая смотреть на профессора снизу вверх.

«Ох, кто меня тянет за язык? Надеюсь, они не заметят, как я волнуюсь. А что будет, если откажут? Куда идти дальше? Чего искать? И я ведь даже не знаю, то ли это место, за которое нужно бороться? Может, Вечеровы просто ищут дешёвого и покладистого помощника?»

И тут у неё появилось чувство, что ничего страшного не происходит. Простой обмен информацией: вопрос, ответ, обратная связь. Не всегда словами, больше кивками, жестами, выражением лица. Вот Римма Александровна пристально глядит на мужа и что-то шепчет. Напоминает.

– Ах да, – спохватывается профессор, – Екатерина Андреевна, вы производите впечатление очень преданного сотрудника. Почему вы хотите уйти с нынешней работы?

Вот он и прозвучал – вопрос, которого она так боялась: «Вика, ребёнок... Поймут ли профессор и его жена мою ситуацию? Рассказать всё как есть равносильно тому, чтобы признаться, что я девушка с проблемами. Не только со своими, но и с чужими. Полноценно на работе выкладываться не могу – не обессудьте. Всегда может случиться какое-нибудь „вдруг“. Ребёночек заболит, например. Или его мать. И вообще Вика – такой экземпляр, что может недоглядеть за дочкой. Уснуть, например, когда та есть захочет. Я тогда снимусь с рабочего места и убегу. Счастье ещё, если отпроситься успею. И врать нельзя. Вечеровы должны понимать, кого зовут на работу. Что же мне делать?»

Глава 11

– Мне теперь нужно больше денег. – Катя улыбнулась и снова присела на краешек кресла. Она рассказала про Вику и малыша как можно сдержаннее, стараясь не выказывать страха и чувства беспомощности. Вопреки её ожиданиям, супруги не спросили, как Меркулова планирует работать в такой обстановке и как вообще посмела прийти на собеседование? Вёчеровых, к её удивлению, заинтересовало другое.

– Хотел бы я знать, Екатерина Андреевна, зачем вам это? Для чего спасаете подругу?

Катя пожала плечами:

– А разве это и так неясно?

– Видите ли, не совсем, – пояснила Римма Александровна. – Одно дело, если ваши намерения чисты. Когда просто не можете иначе. Другое дело, если вами движет корысть.

– Корысть? – изумилась девушка.

– Мы ведь не знаем... может, вы рассчитываете, например, что подруга оплатит за добро? Вынуждаете её оформить на вас квартиру или машину? А она, находясь действительно в безвыходном положении, не может отказать?

– Да вы что! – Катя вскочила, – Если бы у Вики осталась квартира или машина от бывшего мужа, разве бы я стала забирать? У кого? У своей подруги? Безработной матери-одиночки?

Ещё ни разу её не обвиняли ни в чём подобном. Девушка двинулась к выходу: «Зачем продолжать разговор, когда вот так подозревают в подлости? Не хватало ещё оправдываться перед едва знакомыми людьми.»

– Подождите! – окликнули Вёчеровы.

Катя обернулась. Профессор снял очки.

– Мы не хотели вас обидеть, Екатерина Андреевна. Люди разные встречаются. Выпейте чаю. А мы пойдём посоветуемся.

Девушка, измождённая, упала в кресло: «Как всё-таки трудно, когда тебя оценивают.»

Профессор с женой вели беседу в соседней комнате – можно было и подслушать, но Катя по горькому опыту знала, что кого-кого, а её обязательно поймают. Всего два раза за время учёбы в школе и университете попробовала воспользоваться шпаргалкой, и обе попытки провалились. Поэтому она оставалась на месте, сидела тихо, ловя каждый звук из соседнего кабинета. Внятно расслышала только слово «вдумчивая». Приятно, хотя, может, этот комплимент относился не к ней, а, например, к Римме Александровне, которая тщательно выбирает сотрудников.

Наконец, профессор и его жена вернулись. Оба смотрели на девушку радостно и торжественно. Вёчеров сел за директорский стол, тот самый, похожий на надгробную плиту. Любопытно, однако теперь эта громада уже не пугала Катю, присевшую напротив. Римма Александровна просеменила вслед за мужем и встала за его спиной. Тот откашлялся и сложил руки в замок.

– Екатерина Андреевна, перед тем, как озвучить предложение, я прошу простить меня и Римму за введливость. Мы тут на косточки вас разобрали, – он добродушно усмехнулся, – зато теперь можем точно сказать, что вы нам... понравились. Не только как возможный сотрудник, но и как партнёр. Поэтому и задавали неловкие вопросы.

Катя вслушивалась в каждое слово – уже понимала, что её готовы нанять. Но на каких условиях?

– Вы обладаете уникальными качествами, – продолжал Вениамин Андреевич, – разумная, рачительная, экономная. Хоть и не психолог, а умеете находить подход к детям. И главное, вы великодушны. К слову, мы уже очень давно искали такого помощника.

– Трудно встретить отдающего человека. – добавила Римма Александровна. – Берущих много. Эдаких хитреньких, любящих приходить на готовое.

Девушка переводила глаза с профессора на его жену и обратно. Предложение безумно заманчивое. Да что там, просто потрясающее! Ей, молодой учительнице с маленьким стажем, вчерашней выпускнице филфака, предлагали прямо сейчас стать директором центра, принадлежащего самим Вёчеровым. А через год испытательного срока – полноправным совладельцем предприятия с долей в двадцать процентов и участием в прибыли. Со временем это станут серьёзные суммы.

– Нам сейчас до боли нужен человек, на которого можно положиться, многорук и многоног – закупки сделать, детей встретить, с родителями их поладить. Мы уверены, что вам это будет под силу. Платить сейчас много не можем. Есть, конечно, накопления и спонсоры помогают. Но всё приходится вкладывать в дело. Вашу работу за скромное вознаграждение тоже будем считать инвестицией.

Катя понимала, что работа предстоит тяжёлая. Руководить придётся уже не детьми, а взрослым коллективом, который подберут Вёчеровы. Но для неё это шанс вырваться из нищенской, обездоленной жизни. Она нутром чувствовала, что профессор с женой не обманут. К тому же, условие о передаче доли центра закреплялось юридически.

Но был один серьёзный недостаток. Прямо сейчас и на ближайшее время Вёчеровы могли предложить только скромную зарплату – даже меньше, чем она получала в школе.

Не будь Вики и малыша – согласилась бы сразу. Но сейчас ей нужны были деньги. И это вынуждало отказаться. Катя молча смотрела на Вёчеровых, глаза против воли наполнялись слезами. Не успевшие зародиться надежды разбивались в дребезги. Не оставалось никаких сил размышлять о том, где искать работу дальше. Никуда не хотелось идти. «Подумать только – вот она, сбывается мечта. Кружится на расстоянии вытянутой руки. Но взять её нельзя.»

Глава 12

Закутавшись в унылое пальто поверх зелёного платья из Турции, Катя брела к дому. Пакет с привычными учительскими вещами оттягивал руку. На сердце свербило.

«Не делаю ли я главную ошибку? Не приношу ли себя в жертву, в угоду Викиным интересам?»

Перед мысленным взором возникла увиденная только вчера домашняя сцена. Девочка хнычет. Врач из скорой говорит, что у неё колики. Вика срывается, кричит, чуть ли не ударить хочет кроху.

«Как оставить эту малышку без помощи? Один на один с мамашей, которая заботится только о себе. Если сделаю так, то никогда себе этого уже не прощу.»

Подходя к дому, Меркулова увидела, как торговка сваливает журналы в сумку.

– Ну что, красота неопишная, нашла работу?

– Пока нет, – развела руками Катя.

– То-то же. Все вы молодые мечтаете о работах в офисе. А там копейки платят таким дурёхам, как вы. Туда же тьма-тьмуца народу прётся. Есть из кого выбрать. Вот на вас и экономят. А знали бы, сколько торгуя на лотке можно получать... У-у-у-ух... Побежали бы со всех ног.

– И сколько же? – Меркулова замедлила шаг.

Лоточница назвала сумму, от которой сердце забилось быстрее. В два раза больше, чем её нынешняя зарплата! На эти деньги и втроем, вместе с Викторией и девочкой, можно жить вполне достойно.

– Работка адова, конечно, – махнула рукой продавщица, – стоять по двенадцать часов и без обеда. Зато если сменять друг друга, график двое на двое суток.

– Я подумаю, – кивнула Катя и, задержав взгляд на лоточнице, повторила, – очень-очень подумаю.

– Ишь ты, подумает она. Принцесса какая, – подбоченилась продавщица. – Это наш хозяин должен ещё согласиться тебя взять. Ему понравиться надо.

– А кто хозяин?

– Много будешь знать – рано состаришься. Приходи сюда завтра, коль готова. В восемь. Здесь он будет, наш Сергей Васильевич. Эх, и красавец-мужчина. Загляденье!

Катя еле дотащила до квартиры сумку с продуктами. «Странно, отчего, когда стараешься тратить экономнее, нагружаешься больше? Потому ли, что дешёвые продукты тяжелей? Конечно, мешок крупы массивнее пакетика мюсли. Но может, дело в восприятии жизни? Может, это „привычка“ такая, что всё должно быть тягостно и муторно? Вот никто не велел мне покупать разом и гречку, и сахар, и тушку мяса на два килограмма. Пойди в магазин сейчас Вика – наверное, ограничилась бы пачкой полуфабрикатных котлет, и хватило бы на два вечера. Но я не представляю, как это – жить без стратегических запасов!»

Она отперла квартиру и с облегчением бросила авоськи на пол. Больше всего хотелось упасть на диван и закопаться в подушку. Но тут раздался отчаянный рёв малышки. Похоже, она была голодна.

– Вика! – позвала девушка. Никто не ответил.

Меркулова бросилась в комнату и обнаружила подругу среди несвежих разбросанных по комнате пелёнок. Стрельцова держалась за голову и бормотала:

– Не могу больше, не могу, не могу...

Вздыхнув, Катя подошла к колыбельке и взяла девочку. Стараясь не обращать внимания на стенания, помыла и накормила ребёнка. Пеленать было не во что. Вернув кроху в постель

и накрыв одеялом, Меркулова начала соображать. В шкафу лежал кривоватый обрезок ситца, оставшийся от шитья. Уже что-то. Катя прогладила его утюгом и укутала ножки девочки, сверху надела распашонку. Та, наконец, успокоилась и блаженно задремала.

Бросив укоризненный взгляд на подругу, Меркулова собрала грязные пелёнки и потащила в ванную. Прополоскала и развесила малышовую одежду. Потом вспомнила про покупки.

– Вика! – крикнула девушка, – Разбери сумки, я уже с ног валюсь от усталости.

Никто не ответил. Подруга будто не слышала. Злясь и досадуя, пришлось вернуться за продуктами и отволочь их на кухню. Там она обнаружила Стрельцову, которая как ни в чём не бывало пила кофе и курила.

– У тебя вообще совести нет? – Катя вырвала сигарету и бросила в раковину.

Стрельцова от неожиданности уронила кофе и по нежно-лимонному платью растеклось пятно.

– Катька, блин, что ты наделала? – подруга схватила кухонное полотенце и без особого толка промокнула испорченную ткань.

– Вика! – взревела Меркулова, – Я целый день на работе, а ты не можешь пелёнки постирать?

– У меня горло болит, – Стрельцова отбросила кухонное полотенце и картинно закашлялась.

– Нечего притворяться больной! – Катя стукнула руками по столу.

По загадочной прихоти судьбы, Вика, даже родив ребёнка и оставшись почти без денег, продолжала выглядеть холёной красоткой. Её не портили ни дешёвые продукты, ни скромная обстановка жилья, где то и дело отключали воду. Тёмные ресницы и остаток летнего загара избавляли от нужды немедленно бежать и краситься. А переживания и хлопоты приводили только к тому, что Вика ещё больше стройнела. Чтобы получить такую худосочную фигуру, Кате, пришлось бы, наверное, год сидеть на жёсткой диете. И не факт, что она такую осилит.

Было в Вике и ещё что-то такое, не поддающееся описанию. Может, как раз те неуловимые черты, которые делают злых колдуний ярче и привлекательней добрых Алёнушек. Как бы то ни было, но сейчас подруга своим глянцевым лоском вызывала у Кати только дикое раздражение.

Вика нахмурилась. В глазах подруги отразилось непонимание, какие вообще могут быть к ней претензии.

– Ты что, не веришь? – голос сорвался и перешёл в хрип. Стрельцова картинно закашлялась. – Болит, ой болит!

– Что болит? – Катя встревожилась.

– Горло, – скривилась Вика. – Говорить не могу. Температура! Голова кружится. Дай лекарство какое-нибудь.

– Хорошо, сейчас, конечно. – Меркулова заметалась в поисках аптечки, – Надо врача вызвать.

– Не-е-ет, – заскулила Вика, – мне бы только прилечь. Я целый день одна с ребёнком. Без помощи. Да ещё ты пришла поздно. Не могу больше. Умру-у-у сейчас.

Катя устыдилась: «Если бы знала, как подруге плохо, ни за что не пошла бы на собеседование. Почему я не догадалась позвонить домой в обед?»

– Прости, – Меркулова обняла Вику. – Иди ложись, я принесу чаю.

Стрельцова, наигранно хлюпая носом, пошла в комнату.

Катя дала подруге жаропонижающее, а сама принялась готовить ужин. Потушила курицу на сковороде, щедро обсыпав блюдо луком, морковкой и зеленью. Витамины не помешают ни ей, ни Вике. Приятно готовить для других. Тогда даже с обычной едой хочется играть – подавать изящно, как в ресторане.

Меркулова вытащила из буфета два кружевных фарфоровых блюда. Положила на них, кроме курицы, ещё по горке риса, грибов и солёной капусты. А сверху присыпала зелёным горошком. Когда всё приготовила, позвала Вику. Та взялась уминать ужин с таким аппетитом, что Катя подивилась, как ей вообще удаётся сохранять тонкую талию:

- Рада видеть, что болезнь не сказывается на твоём аппетите.
- Весь день не ела.
- Почему? В холодильнике суп есть, яблоки, хлеб с сыром, наконец.
- Сил не было, – процедила подруга и продолжила невпопад, – жизнь под откос пошла.

Ни мужика, ни карьеры...

– Не драматизируй. – возмутилась Катя, – Знала бы ты, от какой карьеры я сегодня отказалась.

Она вздохнула и принялась обмахивать лицо руками: «Не заплакать бы. Хотелось, конечно, выговориться. Рассказать, как отказалась работать у учёных и как гадко от этого на душе. Психолог из Вики неважный, но пусть хотя бы выслушает...»

- Я ходила сегодня на собеседование... – начала было Катя, но Стрельцова перебила.
- Эта малявка... Она всё время орёт. Удильвает пелёнки.

Проглотив собственные переживания, Меркулова погладила подругу по плечу.

- Это пройдёт. У всех мамочек так, наверное.

Стрельцова отдернулась.

– Я больше не принадлежу себе, – запрочитала она. – Раньше ела в ресторанах, спала сколько хотела. Одежду надевала только чистую, глаженую, из фирменных магазинов. За границу ездила. А теперь душ принять не могу! Живу хуже, чем звери в клетке.

- Вика, ведь я стараюсь... – пробормотала Катя.

Но подруга не слушала.

– И главное, он ко мне не вернулся! Я родила ребёнка. Понимаешь? Это самый драгоценный подарок, какой только женщина может сделать мужчине. Который я могла сделать. А ему наплевать. Я потеряла мужа, дом, семью, карьеру! А он? Окольцевал другую, обрюхатил, видите ли. И живёт счастливый. Как будто меня вообще нет! Козёл!

- Вика, – Меркулова устало потёрла виски, – но ты сама это устроила.

– Не-ет! – подруга помотала пальцем, – Устраивали мы оба. Завтра пойду к его жёнке и разнесу им квартиру к чертям.

– Зачем? – Катя чуть не выронила вилку. Она понимала, что Вика и впрямь может выкинуть что-то подобное.

- Пусть отдадут мне часть зарплаты. Или пусть женится и содержит меня. Так честнее.

– Но ведь он небогат. – Меркулова укоризненно покачала головой, – И много с него не получишь. Логичнее тогда попробовать вернуться к мужу.

- Вот уж это ни за какие коврижки! – сцепила зубы Стрельцова.

Глава 13

Ночь прошла беспокойно. Несмотря на дикую усталость, Меркулова забрала девочку к себе под бок. Мало ли, вдруг Вика заразит дочь. Малышка тревожилась и никак не хотела засыпать. Катя почти всю ночь просидела на постели, укачивая и согревая её. Стоило только уложить девочку – она просыпалась. Успокоительные мероприятия приходилось начинать заново.

В четыре часа утра девушка поняла, что если не поспит хотя бы пару часов, то не сможет пойти на работу. Пора будить Вику, но в то же время не хотелось. Она побаивалась доверить девочку настоящей матери и, в конце концов, решила не тревожить подругу. «Ничего, справимся. Что за нужда оставлять малютку с мамашей? Не любит ведь. Раздражается просто от её существования.»

Девочка тоже начала привязываться к Меркуловой, она блаженно успокоилась под утро, и когда в очередной раз оказалась на руках, даже начала «искать грудь». От этого защемило сердце и рука судорожно дёрнулась за бутылочкой. Убаюкивая, Катя рассказывала ей, а не Вике, о том, как отказалась работать с Вёчеровыми.

– Может и глупо, конечно, но до чего хочется с кем-то поделиться. И если уж вышло, что ты сейчас самый близкий друг и собеседник, моё зёрнышко, пусть так. И пусть не способна ты ответить даже кивком. Я всё равно чувствую, что ты меня понимаешь. Как я могла так просто сказать нет? Прямо ничуть не подумав! – шептала девушка, роняя слёзы на детское одеяло.

Само собой, она мало что знала о супругах-учёных – их обещания вовсе могли оказаться обманом. «В этом случае, не так уж много и потеряла: подумаешь, отказалась выслуживаться за копейки.» Но внутренний голос кричал девушке: «Сегодня ты упустила возможность – одну из тех, о которых потом сожалеют годами.»

Бессонная ночь привела к новым планам и в шесть часов утра Катя ринулась их воплощать:

- Вставай, мамочка! Дочь покормлена. Чистые пелёнки на столе. Я на работу.
- Чего так рано? – Вика глянула на часы, скривилась и закопалась под одеялом.
- Увольняться пойду.

Стрельцова резко села на кровати:

- Ты сказала, что не нашла работу.
- Ты слушать вчера не захотела. Работу я нашла, но отказалась.
- Почему? Давай сюда это отродье. – подруга окончательно проснулась и потянула руки за дочерью, но шарахнулась так, будто ей совали какую-то мерзость – вроде крысы из подвала.
- Погоди, умоюсь вначале. – Меркулова глянула на часы, – Только поскорее. Мне пора.
- Ну чего там у тебя с работой? – проворчала Вика, пристраивая дочь в колыбельку.
- Мало платят вначале...
- Тю-ю... тогда не за что бороться! Не шляйся на встречи со скупердяями. Время ещё на них тратить! – Вика прошествовала в ванную, закутываясь в халат.
- Нет, не в этом дело, – голос у Кати сбился. Девушка сделала несколько шагов вслед за подругой, – Вика, ты не так поняла... Я вечером расскажу.

Стрельцова включила душ и запела.

– Ну вот, – вздохнула Меркулова и отошла к окну.

Стекло обожгло морозом январской улицы. «Ну и ладно, может, голова остынет от бурлящих внутри мыслей. И так, подруга считает, что если платят мало, то и время нечего тратить. Что ж, выходит, если я отказалась работать в детском центре, то поступила вполне в духе Стрельцовой. А Вика всегда всё делает себе на выгоду. Значит, наверное, и я в итоге получу плюс. Только где этот плюс? Где работодатели, готовые платить сразу и много?»

Шум воды стих и Катя крикнула:

– Вика, я, наверное, продавщицей газет наймусь.

Вика распахнула дверь ванной так, что пробила вмятину в стене:

– С ума сошла?!

Катя вжала голову в плечи.

– Там платят в два раза больше, чем в школе.

– А-а... тогда понятно, – протянула Вика и снова скрылась в ванной.

– Понятно. – поморщилась Катя. Поцеловав девочку в лобик, аккуратно поправила одеяльце, а малышка сонно завозилась.

– Тише, тише, лапонька. Вечером я к тебе вернусь и мы обо всём поговорим, – прошептала девушка и выскользнула из квартиры.

Она не видела, как перед этим Вика снова выглянула и тайком наблюдала сцену прощания. Глаза подруги от изумления округлились, точно два абрикоса: «Что ей до этой девки?»

Торговка порадовала Катю, что «Сергей Васильевич, красавец-мужчина» не пришёл, занят по уши, но она сама сейчас за директора и ей разрешили нанимать сотрудников. Если девушка готова, можно приступить хоть сейчас.

«Просто приняли – легко избавятся. – подумала Катя, – Официального трудоустройства мне не предложили. Стоило ради этого выстригать чёлку?»

В школе Меркулова написала заявление об уходе. Директриса только поджала губы и потребовала сдать дела. Близких подруг на работе так и не сложилось. Никто не отговаривал. Девушка тосковала.

– Я одна и никому не нужна, – вполголоса напевала Катя. – Впрочем, разве не любой человек вертится в одиночку в завале неурядиц?

Меркулова дотянула до выходных. Хорошо, что в школе установили две недели отработки. Несмотря на неприветливость коллег, уходить не хотелось. Ученикам Екатерина Андреевна пока ничего не говорила, но непостижимым образом все они знали о её скором уходе.

– Почему вы нас бросаете? – скулили ребята.

– Я не бросаю, детишки. Просто есть одна крошечная девочка, которой моя помощь нужна ещё больше.

– А что за девочка? Как её зовут? – продолжали любопытствовать дети.

– У неё пока ещё нет имени...

– А разве так бывает?

– Вика, ты выбрала имя для дочки? Её регистрировать пора. – сказала Катя вечером.

– Помню, что надо! – огрызнулась подруга, – Мне некогда думать.

– Ты исключительная мамаша! Как – некогда?

– Скучно. Я вообще не хотела, чтобы эта сопливка родилась.

– А по-моему, это чудо, когда у тебя есть дети.

– Какое чудо? Она мне всю жизнь испортила! Не будь её, я ходила бы по ресторанам, с шикарными мужчинами, в дорогих шмотках. А вместо этого гнию в каморке, превращаюсь в тусклую тётку. И ничего не могу: ни ванну принять, ни кофе выпить. Нормальные сигареты забыла, когда пробовала. Чешусь вся, себе противна.

Меркулова вздохнула и поставила перед Викой тарелку с незамысловатым ужином, который приготовила тут же по приходу: курица, гречка, квашеная капуста. Вика отправила приличную порцию в рот и мечтательно закатила глаза:

– А ведь ещё год назад я ела паэлью в испанском ресторане. Официант в сомбреро наливал мне вино. Я вдыхала аромат Средиземного моря... А теперь не то, что в Испанию поехать – креветок поесть не могу. А я так привыкла к морепродуктам...

Катя посмотрела в сторону:

– По крайней мере, у тебя всё это было... и мужчины, и вино, и сомбреро...

«Подумать только, я даже мечтать не решаюсь о путешествиях за границу. Боязно, необычно. Слишком шикарно! И что самое обидное, ютимся мы бок о бок на крошечной кухне, обе испытываем нужду, злимся, когда отключают воду. Но всё равно Вика будто принадлежит другому, более элитному миру. Она была за границей. Она смогла очаровать двух мужчин. И Вике досталась дочь... Угораздило кроху родиться у такой удачливой, но совершенно не любящей матери.»

– Всё-таки подумай, как назвать, – в очередной раз повторила Катя. – Ты смотрела словарь? Там много хороших имён: Маша, Настя, Аня...

– Фу, примитивно!

Меркулова умолкла и растерянно посмотрела на подругу. Та показала язык:

– Ученица филфака. Блин! Где твоя фантазия? Какая Настя, Аня! Не хочу, чтобы дочь звали, как всех соседских пупсов. Если и могу что-то сделать для неё, так это подобрать крутое имя. Ладно, Катька, убедила. Полистаю твой словарь.

– Вика, – предостерегла Меркулова, – не моего, конечно, ума дело, но... не называй дочь слишком оригинально. Когда-то она станет бабушкой, её имя может устареть.

«Уж не дура, разберусь!» – читалось на лице Стрельцовой.

«Куда я лезу?» – подумала Катя.

– Имя должно сочетаться с фамилией и отчеством... – всё же не выдержала девушка. – Ой! – спохватилась она, – А отчество какое дашь? Отца зовут Игнат, насколько помню. Или по бывшему мужу?

– И не такое, и не такое. – хмыкнула Вика, подобрав под себя колени. – Всех удивлю. Пусть ещё погадают, от кого я её нагуляла.

Глава 14

– Как жаль, что не могу пока назвать тебя по имени. – Катя баюкала девочку, поминутно целуя в лобик.

Меркулову будто что-то подстёгивало даже на расстоянии, ведь малышка ночевала в комнате с подругой. Она выпрыгивала из постели и неслась на помощь в самый нужный момент. Интуитивно угадывала этот самый момент и различала его оттенки, когда пора кормить, а когда – менять пелёнки.

Время перевалило за два часа и на новую работу предстояло идти не выспавшись: «Как может Вика дрыхнуть, когда дочь плачет?»

В какое-то мгновение Катя провалилась в сон, удерживая кроху на животе. Ей казалось чудом, что проснулась она точно в той позе, в какой заснула. Малышка дремала, щекоча дыханием грудь. Заспанная девушка попробовала встать – новорождённая тут же завозилась, зачмокала. Положив её рядом на кровать и сетуя, что колыбелька в другой комнате, Меркулова с ловкостью многоопытной мамы развела смесь. Покормив ребёнка, она прокралась в комнату подруги, собираясь уложить малышку, но вдруг из темноты послышался голос:

– Ненавижу! Всю жизнь мне испоганила...

Считается, что малыши не слышат звуков, однако Меркулова не сомневалась: девочка уловила сонный бред матери и всё поняла – она завозилась на руках, начала жалобно всхлипывать. Девушка поскорее прижала кроху к себе и погладила – та притихла.

– Не бойся. Я рядом. Я буду тебя защищать. – прошептала на ухо малышке, чтобы не разбудить Вику. – «Ничего себе! Дала обещаньице!» – спохватилась Катя, – «Интересно, как собираюсь его выполнять?»

Ещё затемно она разбудила Вику.

– Чего? – Стрельцова закопалась в подушку.

– Я просидела с малышкой всю ночь. Возьми её. Мне хотя бы час поспать надо. В шесть утра подниматься.

– А чего так рано? Тебе же к восьми на работу.

– Нет, к семи. Сегодня первый день на новом месте.

– Ты всё-таки пойдёшь этой... как её... цветочницей? – Вика ошалело посмотрела на часы.

– Не цветочницей – газетами торговать.

– Ах ну да, высокие барыши тебя ждут, – съязвила «королева».

Катя молча отправилась в постель.

Через два часа она стояла у газетного киоска и слушала торопливую речь торговки.

– Да, да, хозяин уже в курсе про тебя. Но сюда он нанял другого менеджера, – тётка перековеркала модное слово, сделав ударение не на тот слог, – а тебя велел отправить на другую точку – в Алябьевский район.

– Почему вы меня не предупредили? – возмутилась Катя.

Алябьевский был дырой, рассадником воров и бандитов. Там запросто пшикнут перцовый смесью в лицо и сорвут сумку с деньгами. К тому же, располагался этот край цивилизации аж в двух часах езды на автобусе. Девушка едва удержалась от слёз:

– Я ведь с работы уволилась...

– А это уже твоя беда! – гавкнула тётка, – Хочешь – дуй в Алябьевский. Не хочешь – других желающих найдут. Срок думать – до завтра. А теперь шагай отсюда, не мешай бизнес делать.

Катя потёрла обожжённые бессонной ночью глаза и поплелась домой. «Там Вика, конечно же, сразу сбросит на меня девочку, но, может, нам обеим удастся хоть немного поспать. Чтобы чуть позже на свежую голову решить, что же теперь делать?»

– Ты забыла.

В дверях встретила подруга и сунула папку с документами, оставленную утром на столе. Свидетельство о рождении, паспорт, аттестат о среднем образовании с отличием, красный диплом и трудовая книжка – вся официальная жизнь девушки уместилась в тонкой стопке.

– А, – отмахнулась Катя, заходя в квартиру, – не нужно.

– Как это? – подруга упёрла кулаки в талию, не испорченную лишним весом.

– Меня брали без оформления.

– Во-о-от оно что. – протянула Вика, – Ну и дура же ты, Катька!

– Да уж поумнее некоторых буду, – огрызнулась Меркулова. – Я не рожала внебрачных детей.

– Ах ты так! – взвилась Вика.

Только она раскрыла рот, чтобы высказаться – в квартиру постучали. Подруги затихли.

– Кого-то ждёшь? – тихо спросила Катя.

– Нет, а ты?

– Тоже нет.

– Наверное, врач из поликлиники. Она говорила, что сегодня придёт. Открой! – царственно распорядилась Вика.

Катя возмутилась командным тоном, но послушалась. За дверь оказался не врач.

Глава 15

На Меркулову с любопытством глядел молодой мужчина, вылитый герой испанского сериала. Загорелый, статный, с глазами цвета мокрой гальки, он заслонил тоску унылого хрущёвского подъезда. За широкими, очерченными как по линейке плечами незнакомец будто нёс тропический мир из морских волн, рокочущей музыки и танцующих пальм. Непонятно, что затыгивало больше – он сам или эта волнующая картинка. Так и хотелось всплеснуть руками, как в кино, броситься ему на шею и воскликнуть: «Альберто! Ты пришёл!»

– Зачем припёрся? – едкий голос вторгся в Катину фантазию, – Как ты меня вообще нашёл? – Вика и незнакомец ввинчивались друг в друга взглядами.

– Да уж пришлось постараться. – на чисто русском языке ответил «испанец».

Он склонил голову перед Катей, чуть сильнее, чем требовал этикет, от чего кивок превратился в поклон:

– Можно войти?

Меркулова посторонилась. Вика, вздёрнув нос, ушла в комнату. Испанец, наскоро разувшись, скользнул следом.

– Катя! – послышался нетерпеливый голос подруги. – Иди тоже сюда!

Подруга успела выхватить дочь из кровати и демонстративно качала её, нацеловывая:

– Спи, моё золотце! Не волнуйся! Я тебя выращу одна. Обойдёмся без папы.

«Испанец» замер, уперев сжатые кулаки в поясицу и глядя исподлобья на молодую мать.

– Познакомься! Это Игнат! – каркнула Вика, глянув на Катю.

– Я слышан о вас, Катя. И очень благодарен, что вы приютили Вику и... ребёнка.

«Просто ребёнка. Не «моего» и не «нашего», – заметила девушка. Речь Игната, хоть и звучала по-русски, а всё равно напоминала иностранную. Говорил он как-то уж очень правильно, с раскатисто-певучей интонацией, будто стихи декламировал. Ни тебе жаргонных слов, ни проглоченных звуков. И даже лёгкий, почти неуловимый акцент присутствовал. Даже её имя он произнес с чуть заметным смягчением – Катя.

– Если ты пришёл, чтобы забрать у меня дочь, не бывать этому! – заговорила Вика драматически сериальным голосом.

Игнат покачал головой:

– Я не собирался.

– Может, ты меня хочешь вернуть? – Кате показалось, что она услышала в голосе подруги надежду, почти мольбу, – Но я никогда не стану твоей больше.

«Испанец» округлил глаза и сложил руки в испуганном жесте.

– Тогда чего тебе надо? – обозлилась Стрельцова.

– Виктория, лучше положи ребёнка, – вкрадчиво попросил Игнат. – Я не уверен, что с младенцами так можно.

Катя вдруг заметила, что подруга яростно качает, почти подбрасывает новорождённую, а кроха испуганно затихла.

– Давай лучше я. Поговорите спокойно.

Не сводя глаз с бывшего любовника, Стрельцова сгрузила дочь. Девушка успокоила кроху и собралась унести.

– Нет! – взвизгнула подруга, – Остайся! Пусть он посмотрит, как мы живём! Как справляемся без помощи мужчин, которым вообще не нужны их дети!

«Испанец» вскинул голову и сжал кулаки. Катя решила прийти на выручку неожиданному гостю:

– Дай ему возможность сказать. Игнат ведь пришёл не случайно.

– Ах да! – спохватилась Стрельцова. – Я тебя слушаю внимательно, милый. Говори, чё надо?

– Вообще-то я пришёл узнать, чего надо тебе? – передразнил «испанец», – Деньги, вещи, продукты? Небось одной с младенцем непросто?!

– Ха! – развеселилась Вика, – Позаботиться решил! Искупить вино!

– Нет никакой вины. – отрывисто произнёс Игнат, – Я не делал ничего плохого.

– А кто меня бросил?! Беременную!

– Ты видимо забыла, кто кого бросил?! Вернее прогнал! – прищурил глаза, вытягивая шею.

– Ну да, да, это я. – всплеснула руками Вика. – А ты и рад стараться! Конеч-ечно. Зачем тебе любовница на сносях? Ушёл и был таков.

– А что я должен был делать?

– Да уж во всяком случае не жениться на первой встречной. Когда только успел?

– Она не первая встречная! – взвился Игнат, – Мы давно работаем вместе. Если б не Люда... Если б не она... Не знаю, как бы я вообще выжил.

– Спасательницу нашёл. Ох-хо-хо.

Катя, закусив губу, топталась на месте. Она чувствовала себя невольным участником глупой сцены. Подглядывать, подслушивать – ужасно. Ещё отвратительнее – демонстративно уйти.

– Я... я страдал, – глухим голосом продолжал Игнат, – сидел на работе круглыми сутками. Только бы забыться! Знаешь, были мысли пойти и придушить тебя, чтоб муженька больше не ублажала. А его хотел прибить. Вот так бы взял, подобрал кирпич и долбанул по смазливому «портрету». Я напился тогда, как идиот, и полез на подоконник. Чуть не прыгнул с девятого этажа. Спасибо Людмиле, что вовремя меня остановила.

– Итак, она звалась Людмила. – Вика хлопнула в ладоши. – Святая, ангел неземной красоты. Судьба всей твоей жизни. Не Мила, не Людочка... Людми-и-ла! Вы с ней как? По имени-отчеству и на вы? Какая любо-овь!

– Люда – всё для меня. – Игнат грохнул кулаком по столу так, что посуда подпрыгнула. – Моя жена! Друг! Моя сестра! И мать... – он запнулся.

– Мать. – хихикнула Вика и запела, подражая исполнителям шансона – Мать-мать-матьма. Мамочка-мамуля.

– Не то хотел сказать, – Игнат вздрогнул. – Я имел в виду – она меня всегда слушает. Я ей рассказал тогда. Про тебя. Про мою боль.

– Прекрасно, – перебила Стрельцова. – Нашёл жилетку, чтоб поплакаться. Но это ещё не повод жениться на ней.

– Ну знаешь, это уже не твоё дело! – огрызнулся мужчина и прошагал к Кате, которая продолжала укачивать девочку.

Меркулова крепче прижала малышку, сомневаясь, можно ли ему доверять. Стена позади мешала отступить. Не получалось и развернуться так, чтобы не задеть внезапного гостя. Катя склонилась над новорождённой, прикрывая от возможной опасности.

Игнат улыбнулся и успокаивающе выставил вперёд ладони:

– Не бойтесь – не обижу. Дайте хоть гляну на дочь. – просительные интонации в голосе слегка успокоили девушку. – Маленькая царица, – восхитился Игнат и одним пальцем бережно погладил по крохотной ножке.

– Хотите подержать? – приободрилась Катя, косясь в сторону Вики – подруга молчала.

– Нет, – отпрянул Игнат, – я не умею обращаться с детьми.

– Скоро научитесь... – начала было Меркулова и осеклась, вспомнив, что его жена, кажется, беременна.

Оба повернулись к Стрельцовой, которая смотрела немигающим взглядом. Она зло схватила тяжёлую статуэтку и машинально взвешивала в руке, будто собираясь запустить ею в бывшего любовника.

Игнат отступил и врезался в пеленальный столик.

– Не хочешь мира – не надо! – выкрикнул он.

«Испанец» выхватил из кармана конверт, набитый почти до состояния куба. Под изумлёнными взглядами подруг швырнул посередь пелёнок и грохнул входной дверью.

Вика немедля скакнула к столику и заглянула в бумажный сверток.

– Катька! – зашла она в восторге, – Живём! Тут деньги!

Глава 16

Стрельцова выхватила толстую пачку и начала азартно пересчитывать, небрежно роняя купюры.

– Ого! Тут их много! И где набрал? Сроду у него столько денег не водилось. Если только отцовский гараж продал. Э-эх! – размахнувшись, она подбросила пачку. Рубли посыпались по комнате, мелькая в воздухе круглыми цифрами. – Месяца на три хватит точно, даже если не сильно ужиматься. Прямо сейчас иду за шампанским и икрой. Гуляем.

– Нет! – Катя схватила беспечную подругу за локоть. – Нельзя спускать деньги на ерунду. На что жить потом будем? Ты подумала? Мне на работу ещё надо устроиться.

Но Стрельцова ликовала. Оттолкнув Катю, она выделывала пируэты прямо на рассыпанных деньгах, напевая:

– А я сяду в кабриоле-ет!

Под возмущённые возгласы Вика нарядилась в жемчужное коктейльное платье, подобрала ворох купюр и, не пересчитывая, гордо понесла перед собой, как букет. Простучав шпильками, весело выбежала за дверь и крикнула на весь подъезд:

– Я в супермаркет!

– Ты что творишь? – Катя схватилась за голову, – Куда такие деньги напоказ? Возьми сумку!

– А пускай все видят: Вика Стрельцова не пропадёт! – и уже через несколько пролётов донёсся счастливый возглас, – Я жива-а-а!

– Да её сейчас прийдёт кто-нибудь, – ругнулась Катя и пошла собирать богатство, разбросанное на ковре.

Вопреки опасениям, подруга вернулась целёхонькая, с фирменным пакетом самого дорогого супермаркета в районе. Три бутылки шампанского потерялись в груди аппетитно упакованных закусок: красная икра, шпроты, до безумия вредная салями, йогурты, сыр, подумать только, мягкий и в стаканчиках.

– Батон нарезанный зачем брала? Мы с тобою что, герцогини? Нож в руки взять не можем? Насколько дешевле обычный хлеб было взять. Торт! Куда? Это ж на целую толпу гостей! Оливье из ресторана! Готовый! Неужели б сами не нарезали?

– Фу-ты ну-ты, Меркулова. Внуков не рожала, а уже – как бабка.

– Ну знаешь ли... – обиделась Катя.

Подруга подскочила и обняла:

– Я пошутила! Обожаю! Обожаю тебя! Ты сестра моя теперь, на всю жизнь!

Спустя два часа подруги, разомлевшие от шампанского и вкусной еды, из-за стола так и не встали.

– Три часа дня, а я уже навеселе. Это ни в какие ворота, – Катя держала Викину дочь и докармливала смесью. Девочку, похоже, всё устраивало. Она довольно чмокала соской и полностью разделяла праздничное настроение.

– Вот так бы каждый день. – потянулась Вика.

– Каждый день нельзя, мне работу искать надо, – процедила Меркулова сквозь зубы. Она разом выпила два стакана воды из-под крана, надеясь побыстрее протрезветь, – такими темпами скоро не на что шиковать будет.

Стрельцова выкопала из горы лакомств пачку сигарет.

– А вот это брось! Чего удумала?! Рядом с новорождённой дымить!

– Пойдём на балкон, – примирительно отозвалась Вика, – девка заснула уже. Нетренированная. Не выдерживает длительных загулов.

Катя глянула. И правда, глазки сомкнулись. Девочка сыто ворчала во сне. Оставив её в кровати, подруги вышли на воздух. Затянулись обе, хотя до этого момента у Кати и в мыслях не было курить.

– Один раз живём, – подбодрила ее подруга, – будь что будет.

Вика с наслаждением выпустила дым и посмотрела поверх бетонных домов. Её платье измялось, но не потеряло праздничного смысла. Простенького покроя, девчоночьего: трогательные рукава фонариком и отрезная юбочка. Миниатюрная Вика напоминала выпускницу школы. Кате представилось на мгновение, что так и есть: последний звонок отгремел вчера и прячутся они с подружкой на балконе от строгой мамы. Как зайдёт сейчас родительница. Как даст дрозда за шампанское. Отнимет сигареты. Слезы набежали на глаза. Некому больше ругать, не от кого прятаться.

– Он её не любит. – голос Вики вернул Катю из туманных воспоминаний, – Ты тоже заметила, да?

– Думаешь?

– Конечно. Ему нужна только я! Ничего он не забыл. Скоро вернётся.

– Он с таким уважением отзывался о жене, – возразила Катя.

– Вот именно. С уважением. Мать, мамулечка, сестра. Где любовь? Страсть? Интерес как к женщине? Уведу его в два счёта.

– Уведи сначала. – поморщилась Катя и добавила, – Погано это – семью разбивать.

Вика в ответ показала язык и шутиливо ткнула кулачком.

– Эй, не задирайся. – смешливо отпрянула Меркулова, ёжась от зимнего холода.

– Кстати, я решила, как назову спиногрызку.

– Ка-ак?

– Я дам ей имя – Влада, – и Вика посмотрела торжествующе. «О как лихо я придумала!» – искрились её глаза.

– Ну-у-у, необычно-о-о. Что за имя такое? Владислава что ли? Владлена?

– Нет. Влада. В твоём словаре нашла, между прочим.

– Никогда раньше не слышала...

– Знаешь, что означает? Царица! Владычица! Я же говорила, что придумаю шикарное имя. Даже мой бывший любовничек заметил, что она царица.

Глава 17

Катя открыла глаза и насторожилась: «Что не так?» Она потянулась, перевалилась с боку на бок и поняла: за окном светло и на часах – восемь. Ночь прошла, а малышка ни разу не закричала. «Что с девочкой?!» – Катя рванула в спальню подруги и, распахнув дверь, выдохнула. Малышка лежала в материнской постели, уютно устроенная в «гнезде» из одеял. Сытая и довольная. А Вика сидела, закинув ногу на ногу. Шлейф сорочки пенился на покрывале, как молочная шапка на коктейле. Живая реклама материнства и семейного счастья.

На придвинутом стуле саквояж, полный косметики, уютно соседствовал с чашкой кофе. С глазами, переливающимися от удовольствия, Вика одной рукой метала пуховку по лицу, а другой – щекотала животик дочери. Ладóшка радостно хихикала.

«А ведь у неё теперь есть имя, – вспомнила Меркулова, – Влада, Ладочка, Ладóшка. А что? Оно ей подходит. Похоже на „ладное“. А кроха и впрямь вон, какая ладная.»

– Ты очаровательна в роли мамы, – искренне похвалила Катя.

– Спасибо, – отозвалась Вика, продолжая оглаживать щёки.

– Неужели Владочка не просыпалась? Я не слышала.

– Просыпалась, – кивнула Стрельцова. – Я не стала тебя будить. Сама понянчила.

– Ты?!

Вика жеманно приподняла уголки губ:

– Да. Снова привыкаю к семейной жизни.

Катя хотела поблагодарить, но осеклась. Пока размышляла, что ответить, в дверь постучали. Меркулова понеслась в прихожую, радуясь поводу не обсуждать сомнительную тему, и поспешно отперла замок, даже не спросив, кто за дверью.

– Ну вот! Что я тебе говорила! – прямо в ухо ворвался ликующий возглас подруги. Оказалось, Вика уже стояла рядом.

Катя перевела взгляд на неожиданного гостя. И впрямь Игнат. Но стрелки морщин, прорезавшие загорелый лоб, дали понять: он пришёл вовсе не признаваться в любви. «Испанец» предостерегающе посмотрел на подруг:

– Я не один.

Из темноты подъезда, кряхтя и шаркая, выползла мешкообразная беременная женщина – маленькие голова, руки и ноги располагались хороводом вокруг громоздкого живота. Скучное коричневое пальто, квадратные туфли, подобные мужским, и огромная сумка, напоминавшая хозяйственную, вызвали сочувствие у Меркуловой.

Но стоило только посмотреть на лицо, грустное впечатление от облика дамочки проходило. Сытые щёки будущей мамы розовели весной и детством, а глаза говорили всем вокруг: «Я влюблена и всем довольна. Кладов не ищю, не стремлюсь в выси. Благодарна за то, что имею. Счастлива прямо сейчас и безотлагательно».

– Моя жена Людмила, – сдержанно представил Игнат.

– Ты что – похвастаться бабой своей пришёл? Экой красавицей меня заменил! – Вика живо приняла бойцовскую стойку.

Ресницы-мотыльки беременной женщины задрожали и намокли от подступающих слёз. Людмила коснулась плеча мужа и тоненьким, как у школьницы, голоском пролепетала:

– Игнатушка, давай лучше ты сам? Я на улице подожду.

– Ну уж нет, – «испанец» обнял жену за плечи, – мы пришли вместе для серьёзного разговора.

Вика отступила и глумливым взмахом руки пригласила войти. Гости прошли в комнату и устроились на стульях. Оба, не сговариваясь, посмотрели на крошечную девочку, спящую в большой постели. Людмила, увидав новорождённую, застенчиво улыбнулась, а Игнат напря-

жённо вскинул подбородок. Катя поспешила в сторону кухни, но подруга ухватила её за локоть и поволокла обратно, в гостиную.

– Так получилось, что мы вместе полюбили Игната, – прошептала беременная, – у обеих дети.

– Как в сериале, – хмыкнула Вика.

– Собственно мы пришли... мы пришли потому... В общем, отдайте девочку нам! – выпалила Людмила.

Катя молча стояла в углу, стараясь не вмешиваться. Но последняя фраза жены Игната заставила встрепенуться. «Как это – забрать девочку? У матери? Да не только у неё, а ещё и у меня? Людмила вроде хорошая, но теперь... Хотя, быть может, я просто ослышалась? Посмотрим, что скажет Вика,» – подумала девушка. Она перевела взгляд на молодую мать и по азартно вспыхнувшим глазам поняла: та может согласиться.

«Не надо, не вздумай! – мысленно взмолилась Катя, жалея, что не владеет навыками гипноза. – Я помогу воспитать Владочку. Не отдавай её чужим!»

– Что?! – голос подруги вывел Меркулову из оцепенения. – Отдать дочь?

«Вика всё-таки любит девочку? Не буду вмешиваться. – Катя закусила губу. – Это не мой ребёнок. И не моя война».

– Игнат сказал, что вы не любите детей и не хотели беременеть. – пробормотала Людмила, глянув на мужа.

– Ты так сказал? – Вика развернулась к «испанцу» – тот отвёл глаза.

– И вы решили сделать акт доброй воли и освободить меня от хлопот! – Стрельцова упёрла руки в боки.

– Игнат чувствует ответственность за девочку! – крикнула беременная – Он так сказал: «Не могу бросить! Обязан заботиться!» А я не выдержу, если муж будет всё время ходить к вам! Лучше сама всех выращу и воспитаю.

– К чему приводит ревность. – ехидно покачала головой Вика.

– Зачем вам судьба матери-одиночки? Вы не справитесь. А если заберу девочку, вдохнёте свободы, найдёте нового мужчину.

– И я согласен. – мрачно вступил Игнат. – Любовные треугольники – ни к чему.

– Вот как. То есть вы предлагаете забрать дочь и даже не собираетесь давать мне видеться с ней? – вкрадчиво поинтересовалась Стрельцова.

– Простите, я не могу по-другому. – отрезала Людмила. – К тому же мы, наверное, уедем из страны. Появился шанс.

– Слушай, ты, арбузина недоспелая! – вскочила Вика. – Дуй каракатицей на выход, пока я тебе роды преждевременные не устроила. Ишь чего надумала!

Глаза Людмилы возмущённо вспыхнули. Она неловко встала и попятилась к выходу, а Игнат вскочил, загораживая жену.

– Я её убью! – завизжала Стрельцова. – Мужика увела! А теперь ещё и ребёнка отдай!

– Не смей угрожать! Никто ребёнка не отнимает! Мы предложили – ты отказалась.

Не замечая преграды в виде бывшего любовника, Вика двинулась к сопернице, но Катя метнулась к подруге:

– Стой! Не совершай непоправимого! Они уже уходят!

– Я Игната у вас не отбивала! – выкрикнула женщина из-за спины мужа, – Вы сами его бросили.

– Он всё равно от тебя уйдёт, тушка бегемотная! Ко мне вернётся, хоть ты всех детей усынови!

– Прекрати! – резко оборвал Игнат и обхватил Вику, не подпуская к жене. – Нечего меня делить. Не вернись!

Катя втиснулась в центр потасовки и обняла подругу.

– Уходите. Пожалуйста, – она слегка подтолкнула локтем растерявшихся супругов. – И не волнуйтесь. Ничего плохого с девочкой не случится. Это теперь и моя дочь тоже. Я ни за что не брошу Вику в отчаянном положении. Вместе справимся. Уезжайте.

Игнат несколько секунд задумчиво смотрел на Меркулову. Она в ответ несколько раз махнула рукой в сторону выхода, потихоньку отводя Вику в сторону. «Испанец», как и в прошлый визит, слегка поклонился и пророкотал:

– Спасибо, Катя.

Катя вернулась в комнату, проводив переговорщиков. Ладóшка дремала среди скомканных одеял. Вика съёжилась на подоконнике, подобрав колени. Она сама сейчас напоминала девочку лет четырёх, брошенную в ненавистном садике – привалилась лбом к замёрзшему стеклу и уставилась во двор. Меркулова подошла к подруге и осторожно погладила скрюченную спину. Раньше Вика не горбилась.

– Холодно... знобит... – прохрипела молодая мать.

Заботливая подруга достала из шкафа пуховый платок, подошла и укутала, желая согреть, утешить. Вика неотрывно смотрела на супружескую пару, удаляющуюся от дома. Грузная беременная женщина брела, спотыкаясь. Рядом статный мужчина крепко обнимал, только бы не оступилась, не упала. Трудно представить, что он, несущий за плечами южное дыхание моря, мог искренне влюбиться в тусклую неповоротливую тётку. Но заботливые объятия были такими семейными.

Людмила достала из хозяйственной сумки носовой платок и уткнулась в него. «Испанец» перехватил руки жены, с усилием отодвинул от лица. Женщина тряслась в рыданиях и что-то говорила. И тут он обхватил её за щёки, притянул и приник, как будто к первой красавице вселенной. Влюблённые, а это были без сомнения влюблённые, соединились нежным поцелуем, поддерживая и ободряя друг друга. Будто он вернулся с войны, а она уже и не чаяла встретить его живым. Женщина заулыбалась. Игнат погладил её живот, будто опасаясь раздавить, утёр слезинки со щёк, по-хозяйски приобнял, уводя прочь от дома бывшей любовницы.

Стрельцова заревела. Вырвавшись из объятий подруги, скатилась на пол и ухватилась за батарею, чтобы со всего размаху удариться головой. И ударилась бы, если б Меркулова не удержала.

– Не надо, не надо! – Катя рыдала вместе с подругой. Слёзы насквозь намочили пуховый платок, которым обе пытались утереться.

Глава 18

Катя отказалась работать в Алябьевском. Деньги, которые Игнат дал Вике, позволяли повременить, и помощь была нужнее дома. Благо подруга в отношении денег теперь вела себя разумно, не транжирила. Однако вовлечь Вику в домашние дела не представлялось возможным. Подруга слонялась по квартире молчаливым привидением. От дочери и вовсе старалась держаться подальше.

– Владочку кормить пора, – увещевала Меркулова и протягивала малышку.

Стрельцова шарахалась в другую комнату и захлопывала дверь:

– Дурно мне. Тошнит.

А однажды призналась глухим голосом:

– Лучше бы и впрямь отдала. Какая радость в этой девке, если он всё равно не вернётся?

Катя раскрыла рот, чтобы возмутиться – подруга только отмахнулась. Впрочем, Меркуловой тоже было не до разговоров. Пока Вика убивалась по потерянной любви, ей приходилось ухаживать за Ладóшкой и хлопотать по дому. Уставала до чёртиков, но когда просила помочь, получала в ответ только стеклянный, ничего не видящий взгляд.

Через пару дней запас продуктов иссяк, и Катя засобиралась в магазин. Малышка, хорошо накормленная, спала, Вика смотрела телевизор, и девушка ушла относительно спокойная. Когда вернулась, в воздухе ощущались пары спиртного.

– Вика? – встревоженная позвала, после чего ворвалась в комнату.

Крошка крепко спала, отчего дышаться стало легче. Стрельцова полулежала в кресле, закинув ноги на подоконник, и пила прямо из горла какое-то сомнительное зелье.

– Что ты делаешь? – Катя подскочила, чтобы выхватить бутылку, но подруга решительно оттолкнула:

– Отстань! У меня достойный повод надраться.

Убедившись, что Вика не настолько пьяна, как показалось вначале, девушка остановилась:

– Разве от этого станет легче?

– Как мне жить дальше, скажи? – Вика привалилась лбом к стене.

– Мы справимся.

– Не про это говорю, Кать. – подруга сделала ещё глоток, запрокинув бутылку почти вертикально, – Всегда думала, что надо бороться, отстаивать своё. Я сидела на диете. Если нужно, голодала. Училась иметь дело с мужчинами. Всё время – борьба. С жизнью. С собой. А он? Ты видела, кого он выбрал?

Меркулова устало потёрла лоб.

– К чему теперь думать об этом?

– Как ты не понимаешь? – Вика взмахнула бутылкой, чуть не расплескав остатки, – У меня система рушится. Глянцевые журналы, будь они неладны... Конечно, я никогда не верила советам, но там пишут: «Раскрывайте индивидуальность! Расширяйте кругозор! Держите марку!»

– У тебя хорошо получается, – Катя погладила подругу по плечу.

– ... и главное: «На первом месте ваши интересы, а не его». Это так понятно! – Стрельцова помотала бутылкой, – А тут... Люд-ми-и-ла, тётка с кошёлкой! У неё вообще есть интересы?

Вика вскочила и выхватила из стопки макулатуры дамский журнал, видимо, по ошибке оказавшийся в аскетичной Катиной квартирке.

– Вот, смотри, как пишут: «Не растворяйтесь в нём!» Мила, коне-ечно, не растворяется. Да она просто влезла в его жизнь! Щи! Сковородка! Половая тряпка!

– Ты её совсем не знаешь, – Катя покачала головой и нахмурилась.

– Видок говорит сам за себя!

– Беременность. Мы не видели её до замужества. Вероятно, она хорошенькая. Лицо приятное.

– Пухлое и отёкшее. И одеваться не умеет.

– Скорее всего, дело в деньгах. – тихо возразила Меркулова, – Она небогата.

– Катька, ты помнишь! – погрозила пальцем Вика. – Даже в нищенские студенческие годы я так не одевалась. Людка эта пирогами его заманила.

– Какими пирогами? – улыбнулась Катя.

– Затащила его домой, накормила пирогами, по головке погладила. И всё – готов ясен сокол! – Вика хлопнула по коленке. – Зачем куда-то идти? Завоевывать женщин, знающих себе цену? Ерунда всё эти глянцево-советы.

– Не знаю, – Меркулова тоскливо посмотрела в окно. – Я так и не научилась влюблять.

– Просто делай, как эта арбузина, – хмыкнула Вика.

– Я в состоянии борщ сварить, только мужчины в гости не заходят, – пожала плечами Катя.

– Обслуживать, обстирывать, накормить – не моё! – Вика поднялась и стукнула кулаком. – Пусть лучше останусь одна на всю жизнь, чем превращусь в кошёлку!

В следующее воскресенье Игнат вновь появился на пороге. Вика встретила его хмурым взглядом и даже не пыталась изобразить восторг по поводу дочери. Няньчить и успокаивать девочку она предоставила Кате. Та взяла малышку на руки и хотела уйти, но мужчина остановил.

Игнат погладил пальцем край пелёнки, укрывавшей девочку, и пророкотал:

– Пожалуйста, останьтесь. Мне нужно поговорить с вами обеими.

Он взгляделся в Катю с таким тревожным ожиданием, что та поняла: избежать участия в очередной разборке не удастся. Меркулова, вздохнув, опустилась в кресло. Продолжая укачивать Владу, она исподтишка разглядывала её отца. Теперь, как никогда, понимала Вику и её готовность «сходить налево».

«Такого любовника ещё поискать. Внешне – будто герой кино, отважный воин, воплощение мужества и надёжности. С таким приятно даже просто постоять рядом. Вовсе не потому что влюбляешься (работая в школе, Катя приучила себя не зариться на женатых), а от того, что это волнительно. Даже стоя в другом конце комнаты, чувствуешь, словно он обнимает и защищает тебя, прячет от неурядиц. Будни раскрашиваются нотками южных карнавалов, сердце ликует от предвкушения близкого счастья. Словно в нудную обычную жизнь по недосмотру вписали строчки из любовного романа. Сразу вспоминаешь, что родилась на свет не „училкой“ и не старой девой, а вполне симпатичной женщиной, нужной миру, а значит, и населяющим его мужчинам. Что ты создана стать чьей-то женой и мамой... Ах, да впрочем, некогда думать о глупостях. Пора готовить обед. Да и о будущей работе нужно поразмыслить. Куда бы наняться, кому отдаться? Гм.»

Стрельцова тем временем устроилась в кресле и сложила руки на груди. Игнат подвинул стул спинкой вперёд и сел напротив:

– Прежде всего, Вика, хочу извиниться. Мы не должны были тебе такого предлагать. Родную мать никем не заменишь.

Подруга горько усмехнулась:

– Что дальше?

«А и правда? – Катя продолжала витать в мыслях. – Угрозило подружку загулять. Нормальные женщины так не рискуют. Страх потерять богатого мужа – хорошая прививка от безрассудства. К тому же, бывший Викин супруг, как по мне, тоже интересный мужчина. Эдакий наглец, красавчик, которому можно всё. Будь Стрельцова чуть помирней, жила бы в сытости и довольствии. Но Вика жадная не только на деньги, но и на чувства. Диету держит разве что в отношении сладкого и мучного. – бросив взгляд на зеркало, девушка тут же почувствовала себя примитивной и скучной. – Фигура стройная, конечно, но по сравнению с Викиной худобой...»

Игнат совсем не по-испански почесал затылок и пробормотал:

– Понимаю, девочка – моя дочь. Я тоже обязан позаботиться.

– Хвала Супермену! – всплеснула руками Вика, – Он начал об этом догадываться.

Лоб у Игната пошёл красными буграми:

– Я не перепалку пришёл затевать, – рыкнул он, перебивая.

– Молчу-молчу. – Вика картинно зевнула и растеклась в кресле.

Мужчина глянул на неё и торопливо отвернулся. Сунул руку в карман, будто хотел вынуть что-то, но передумал.

– Я мучаюсь совестью... – начал Игнат.

«Мучает совесть», – мысленно поправила Катя, думая, что гость и впрямь всё больше напоминает иностранца.

– ... нельзя это так оставлять... – продолжил мужчина и загнулся.

Меркулова не знала, куда деваться от неловкости. Будто Игнат хотел переодеться, а она, чужая тётка, так некстати вошла, топчется рядом и мешает.

– Разве? – подняла брови Вика.

Утерев лоб рукавом, Игнат уставился в окно.

– Птички не прилетели, – съехидничала Стрельцова, но мужчина будто не услышал.

– Помолчи. Видишь, и так сложно. – Меркулова решила помочь гостю.

– Да молчу я, молчу. – всплеснула руками молодая мать, – Самой любопытно.

«Испанец» благодарно кивнул и продолжил, запинаясь:

– Я сознаю, что должен помочь вырастить девочку... Хотя и не чувствую её своей. – он помолчал и повторил с нажимом, – Прости, но не чувствую.

– Ты на что намекаешь? – завелась Стрельцова, – Сомневаешься, что ли?

– Не сомневаюсь, – перебил Игнат, – биологический отец я, конечно. Ни от кого другого ты бы не успела. Но теперь у меня жена, – отрезал он, – и у нас скоро родится малыш. Им я нужнее.

Вика молчала, глядя исподлобья.

– Кроме того, – он встал и, воткнув руки в карманы, стал нервно прохаживаться по комнате, – мы скоро уезжаем из страны. Меня пригласили в Америку. Тренером.

– Врёшь! – не выдержала Стрельцова. Она вскочила и бросилась на Игната с кулаками.

Малышка встrepенулась и заревела у Кати на руках. Меркулова крепче обняла девочку, пытаясь успокоить: «Сбежать из комнаты сейчас? Немыслимо! Но и вмешаться нельзя.» – и Катя поднялась с кресла, приплясывая.

Стрельцова тем временем хлестанула Игната по щеке, собиралась продолжить, но он перехватил её запястья. Вика подпрыгнула, пытаясь вырваться и укунить бывшего любовника. По лицу брызнули слёзы.

– На работу позвали? Как же! Да ты просто сбежать решил!

– Я и правда еду в Штаты. – оправдывался Игнат, удерживая Вику.

– Кому ты там нужен, в Штатах?

– Я хороший спортсмен. Ты знаешь.

Стрельцова исхитрилась вывернуться и наступить мужчине на ногу. Тот скривился и выпустил руки. Вика атаковала снова. Катя металась, не зная, что предпринять.

– Хороший спортсмен? Делатель детей ты отличный – вот это да! – Вика схватила Игната за волосы. Тот в попытках вырваться согнулся почти до пола. Подруга принялась пинать обидчика ногами.

– Что ты делаешь? – крикнула Катя. Малышка зарыдала ещё отчаянней, – Тише, тише, – спохватилась Меркулова и выскочила в коридор, унося девочку.

Она обернулась, чтобы закрыть дверь и застыла. В этот момент Игнат распрямился и ударил Вику, чтобы отстала. Стрельцова торопливо повалилась на пол:

– Катька, звони в милицию! Скорее! Он меня убьёт!

Игнат молча сгрёб с пола брыкающуюся Вику и сгрузил в кресло.

– По-тихому решил удрать, – скулила та, растирая покрасневшую щёку, – а меня бросить, чтобы одна справлялась.

– Я ведь мог и не приходиться! – вскинулся он, – Тогда тебе и впрямь пришлось бы справляться одной.

– Вика, он прав! – в голосе Меркуловой прорезались учительские нотки, – Судя по всему, Игнат пришёл помочь. Значит, каким-то образом он может это сделать. Пожалуйста, дослушай до конца. Не лишай себя добрых возможностей.

Глава 19

Несколько мгновений Вика сидела молча, раздумывая, затем прищурилась и переспросила:

– Помочь?

«Испанец» кивнул, на всякий случай отступая подальше. Молодая мать разгладила платье и почти приветливо указала на стул:

– Тогда ближе к делу. Ты принёс деньги?

– Немного. – Игнат с готовностью полез в карман.

– Давай сколько есть. – весело махнула рукой Вика и быстро пересчитала протянутые купюры. – И впрямь немного. Что поделаешь, видимо, мало платят хорошим спортсменам.

– Потому и уезжаю, – дёрнул плечами мужчина и заёрзал на стуле.

– Скатертью дорожка, – буркнула Стрельцова, – благодарствую за щедрую помощь.

Рыдаю от восторга.

– Это не вся... помощь. Даже не главная. – Игнат щёлкнул пальцами и пристально взгляделся в подруг, – Вика, я нашёл тебе работу.

– Работу?! – ахнули женщины.

– Руководящая должность, о которой ты мечтала, и зарплата...

– Милый, с этого нужно было начинать. – Вика подошла к Игнату и с чувством поцеловала в щёку. – Рассказывай.

– Стойте! – всполошилась Катя, – Работу ищу я, а не Вика. Забыли про маленькую дочь? Ей мама нужна.

– Я понимаю, – выдохнул «испанец», – потому и попросил вас остаться.

Меркулова опустила на краешек стула.

– Я украл эту возможность. Одну на миллион. Другой не будет, – продолжил Игнат, будто извиняясь перед Катей.

– Конкретнее, – в голосе Вики послышался металл, а сама она аж подпрыгнула от нетерпения.

– Я недавно познакомился с Юрием. Это двоюродный брат моего друга и один из спонсоров нашей команды. Торгует алкоголем. Объёмно торгует. Хочет открыть то ли магазин, то ли склад. – Игнат деловито побарабанил пальцами по столу, – Ищет директора, из своих. На кого можно положиться, и почему-то непременно женщину. Говорит, мужиков у него в руководстве и так хватает. Я рассказал о тебе.

– У Вики нет такого опыта, – нахмурилась Катя.

– Неважно! – резко оборвала подруга. – Сколько он платит?

Игнат назвал сумму, чеканя каждую цифру, и посмотрел на Вику с торжеством. Ни дать ни взять древний человек приволок с охоты мамонта. Встречайте победителя, дорогие дамы, разделяйте тушу.

– Сколько?! – Катя подумала, что ослышалась. Такие зарплаты вообще бывают или это шутка?

– Твёрдый минимум, – Игнат растёр ладонями живот, на котором сквозь футболку проступили кубики. Будь он чуть менее воспитан, наверное, всласть постучал бы кулаками по груди, хвалясь победой. Видимо, не так легко досталось ему предложение неведомого Юрия. – Ещё процент от продаж, если всё устроится. Большая часть, конечно, «в конверте», но тут уж...

– Нормально, – махнула рукой Вика.

– Сегодня тебе нужно встретиться с Юрой. Познакомиться. Тогда он окончательно примет решение.

– Звучит, конечно, мило, – Катя вскочила с места и начала мерить комнату шагами, – но вы оба совсем забыли про дочь. Вика пойдёт работать с младенцем на руках?

Игнат провёл ладонями по лицу с таким нажимом, что со лба будто стёрлась часть загара – он побледнел.

– Катя, поэтому я и хотел, чтобы вы тоже участвовали в разговоре. Если Вика получит эту работу, я... я хочу просить вас остаться сидеть с ребёнком. И... – он вскинул руки, то ли успокаивая закипающую Меркулову, то ли давая клятву говорить «правду и только правду», – Вика будет отдавать за это не меньше половины дохода.

Катя оторопело перевела взгляд с «испанца» на подругу.

– Половины?! – взвизгнула Стрельцова. – Это слишком!

– Не слишком! – грохнул по столу Игнат и напомнил, – Катя ещё не дала согласия.

– Няньку запросто найти, когда деньги есть! – Стрельцова дёрнула плечами.

– Тебе всё равно, кто будет растить твою дочь? – мужчина шагнул в сторону Вики, набывшись, – Никто не подарит девочке больше любви, чем Катя. Даже ты!

– Ладно-ладно, – Стрельцова отступила, – но почему сразу половину? Моя работа, если она так дорого стоит, уж наверняка, нелёгкая. За такие денежки хорошо крутиться придётся. И что же – отдавать просто так?

Игнат продолжил наступать в сторону бывшей любовницы так, что та оказалась прижатой к стене:

– Ты живёшь и кормишься у неё... просто так. Она уже нянчит твоего ребёнка... просто так!

– Ты прав, прав, – залебезила Вика, глядя снизу вверх.

– И смотри, – он погрозил пальцем, – Катя не служанка. Ты перед ней в долгу.

– Я просто имела в виду... – Вика обогнула нависшего над ней Игната и выскользнула на середину комнаты, – Зачем такие деньги тратить, когда можно дешевле помощницу найти. Няnek сейчас как грязи – и все работу ищут.

У Игната сжались кулаки. Он размял пальцы и выдохнул.

– Конечно, так дешевле, – сказал мужчина тоном репетитора, объясняющим ошибку, – но я вижу, как Катя относится к маленькой. Если она, конечно, согласится.

Вика пожалала плечами:

– А чтобы с девочкой родная мать сидела... это хуже? Я подарю меньше любви, чем Катя?

«Испанец» усмехнулся:

– Тебе важнее свобода. Считаю, ты её получаешь.

Молодая мать сверкнула глазами и посмотрела на Игната благодарно, почти влюблённо:

– Это правда. Ты всегда угадывал, чего я хочу.

Увлёкшись спором, оба забыли про Катю, сидевшую тут же, с притихшей девочкой на руках. Меркулова трясла головой, возмущённо глядя на бывших любовников. Но те ворковали между собой и ни разу не обернулись в её сторону.

«Договорились! Всё продумали! А согласие „няньки“ – ещё одна досадная проблема, побочный вопрос, который надо решать, а не хочется. Так ленивые хозяйки не замечают просыпанную муку: шут с ней, через неделю, может, уберу в шкафчике, а пока притворюсь, что на полке чисто. Интересно, если встать и уйти из комнаты, они заметят?»

– Что скажешь, Катя? – всё же процедила подруга. – Буду отдавать половину. Такие деньги на дороге не валяются.

– Вы всё решили! Почему-то не сомневаетесь даже, что я в полном восторге скажу «да»!

Вика закатила глаза. Игнат сжал ладонями виски. Свет из окна безжалостно выбелил поседевшую раньше времени прядь.

– Катя, нет. Конечно, нет. Но подумайте, это лучший выход.

– Возможно, – девушка положила ребёнка в кроватку.

«Испанец» несколько раз торопливо шагнул по комнате, а потом вернулся к Меркуловой и встал на колени. Девушка, прямо как в американском фильме, приоткрыла рот. Вика нервно хихикнула:

– С ума сошёл?

– Катя, умоляю вас, – Игнат крепко сжал её ладонь, – воспитайте мою дочь!

– Не надо, пожалуйста, – залепетала девушка, пытаясь освободить дрожащие пальцы.

– Каждый раз, когда прихожу, вы нянчите маленькую. И она такая радужная, будто её качает родная мать, – мужчина осёкся и глянул на Вику.

Стрельцова нервно комкала купюры, брошенные на столе. Новенькие деньги внешне уже напоминали милостыню, поданную нищим.

– Поделитесь с ней житейской мудростью, – Игнат, видимо, умерил поток комплиментов, чтобы не нервировать Вику.

«С ней – это с кем? С Ладóшкой или, может, всё-таки с Викой? – Катя подумала с горечью, – Мудрость – это сокровище, которое так и остаётся в протянутых руках дающего.»

– Как видите, я стараюсь, чтобы ваш подвиг обернулся радостью, а не жертвой, – Игнат порозовел, как смущённый подросток.

– Лестно, – Катя забрала свою ладонь и растерянно потёрла запястье, которого касались мужские пальцы, – но я не могу решиться так. Впопыхах.

«Испанец» снова поймал Катину ладонь и поцеловал.

– Пожалуйста, дайте знать как можно скорее. Завтра у меня самолёт. Хочу покинуть страну с чистой совестью и спокойной душой.

– Не давите. – Меркулова вырвала руку, на этот раз резко. – Это и моя судьба тоже.

Игнат бросил взгляд на часы.

– Нам пора. Встреча с Юрием через час. Вика, собирайся! Катя, – он посмотрел умоляюще, – постарайтесь принять решение до того, как мы вернёмся. Вы побудете с девочкой сейчас, пока мы съездим на встречу?

– Ага, – кивнула Меркулова, ошарашенная всем происходящим.

По правде говоря, ей не терпелось остаться наедине с малышкой, чтобы обдумать внезапную перспективу спокойно.

Стрельцова нарядилась в бежевый деловой костюм с чересчур зауженной юбкой. Светло-русые локоны собрала витиеватым узлом. Покрутилась перед зеркалом, несколько раз одёрнула пиджак и, судя по блеску в глазах, осталась весьма довольна. Игнат наблюдал за Викиными сборами, ностальгически подперев кулаком подбородок.

Катя заметила, что подруга не упускает возможности пофлиртовать с бывшим. Несколько раз она прошла очень близко, чуть задевая бедром мужское плечо, хотя места хватало. В другой раз – оперлась рукой о его локоть, как бы опасаясь упасть.

Меркулова изловила подругу в коридоре и зашептала:

– Ты что творишь?

– Ой, да ладно тебе, – отмахнулась Вика и, взглядываясь в зеркало, расстегнула четыре пуговицы у ворота. Последняя была явно лишней – приоткрытая ложбинка никак не вписывалась в рамки деловой встречи.

Катя покачала головой:

– Не забывай – он женат. Завтра улетает в Америку вместе с беременной женой.

– А ты не забывай, что у меня от него ребёнок. И на другой он женился только потому, что я его бросила, – огрызнулась Вика.

– Не строй иллюзий.

– А ты не лезь не в своё дело.

Стрельцова вырвалась и решительно пошла в сторону «испанца». Затем как бы споткнулась и упала прямо на колени к бывшему любовнику. Игнат вздохнул, но помог Вике подняться и поторопил её:

– Скорее, Юрий не любит опозданий.

– Пойдём, дорогой, – подруга обвила шею «испанца» руками, притянула его к себе и поцеловала прямо в губы. Мужчина оттолкнул её и раскрыл рот, видимо, чтобы урезонить Вику, но та быстро приложила ладонь к его губам.

– Ничего не говори. Всё знаю. Поехали знакомиться с Юрием.

Катя укоризненно покачала головой, но подруга проигнорировала. А когда Игнат коснулся её талии, пропуская вперёд в дверях, обернулась и посмотрела на Меркулову торжествующе.

Глава 20

Напившись молока, Ладóшка почти сразу уснула, будто почувствовала, что Кате нужно подумать. Меркулова сгребла пелёнки в кучу и отправилась в ванную. Постирать малышовые одеяния, приготовить смесь, прокипятить бутылочки – ничто в этих хлопотах не отвращало девушку. Приятно чувствовать себя нужной.

Покончив с хозяйственными делами, заварила чай и присела рядом с колыбелькой. Нужно принять решение, но пока мысли скакали неуёмными мячиками, беспорядочно всплывая в голове и перемешиваясь.

Несмотря на то, что она крепко спеленала Владу, озорница ухитрилась-таки высунуть пальцы и держала их у рта. Личико покрылось диатезом. Маленькую мучал зуд, но чесаться она, к счастью, ещё не научилась. В сердце кольнуло.

«Как она сможет без меня, такая беспомощная? Вика упорхнула на встречу с неведомым Юрием, даже не взглянув на дочь.

Что, если отказаться стать домашним воспитателем Ладóшки? Стрельцова наймёт другую няню, лишь бы поскорей. Поспешит вернуться к светскому образу жизни. Теперь она сможет позволить себе и роскошь, и свободу.

А что если Вика не получит работу в алкогольной компании или не удержится на ней? Тогда я также буду нянчить Владочку, только бесплатно. Если так, почему бы не согласиться? – девушка вздохнула. – Назад в школу директриса всё равно не возьмёт. И с Вёчеровыми непонятно... Получается, что принять предложение Игната – лучший выход: и денег в достатке, и совесть спокойна.

Придётся, однако, надолго, лет на пять, отказаться от собственных планов: дни, вечера и даже ночи заполнятся новыми обязанностями. А ведь мне всего двадцать шесть. Можно ещё многое успеть. Попытаться выйти замуж, например.

Ах, да ну кого я обманываю? Восемь лет бесприютной жизни в одинокой квартирке – и до сих пор ни одного стоящего романа, даже свидания, о котором вспомнить радостно. Блёклые неловкие знакомства, временные симпатии – слишком я привыкла уже к образу жизни старой девы. Уроки, чужие дети, улыбчивые мамы и папы... потусторонняя, непостижимая семейная жизнь. Взяться за воспитание Викиной дочки, наверное, будет даже приятно. Появятся домашки, с которыми уютно делить и крышу, и пищу.

А может, всё-таки к Вёчеровым? Конечно, Вениамин Андреевич и его жена не слишком ловкие предприниматели. Ну что им за дело, почему соискательница помогает подруге? Лучше интересуйтесь, что сотрудник умеет делать, какой у него опыт, сможет ли трудиться с полной отдачей.

Что за глупость – обещать оформить часть бизнеса на едва знакомого человека? Они боятся, что маленькая плата оттолкнёт грамотных специалистов? Да по улицам ходят толпы таких, как я – неуверенных, нетребовательных, готовых на подвиги за булку хлеба.»

Меркулова была уверена, что Вениамин Андреевич с супругой далеко пойдут. Она замечала, как тщательно мамы её учеников выбирают врачей, репетиторов, тренеров для своих отпрысков.

«Вёчеров не случайно стал именитым профессором – тысячи мам рекомендовали и продолжают рекомендовать его друг другу. Римма Александровна тоже – дама с идеей. Лет за пять супруги разовьют не просто центр для детей с ограниченными возможностями, а целую лабораторию по исследованию ребячьего мозга. Работать под крылом таких людей заманчиво. Можно сделать счастливее не одну Ладóшку, а целую толпу розовощёких мальчишек и девчонок.»

Меркуловой очень хотелось стать причастной к великому делу, но...

– ...но как я её оставлю?! – Катя всплеснула руками и в отчаянии посмотрела на спящую девочку. – Я ведь поклялась защищать тебя, не давать в обиду никому, даже собственной матери. Разве я могу обмануть ребёнка? Конечно, ты и не вспомнишь, но я-то... В моей памяти навсегда останется кислотная отметина о том, что предала маленькую девочку, которая так на меня рассчитывала.

«А ещё я стану наёмной помощницей Вики и обязана буду подчиняться, – взвинченный рассудок подсунул новую мысль. – Подружка войдёт в роль изнеженной хозяйки и при первой возможности начнёт командовать. А я не смогу так просто прогнать её. Я привяжусь к Владе и буду считать малышку почти своей. Но ведь она останется Викиной дочкой».

Вот это вопрос...

– Я не могу реши-и-ть! – завывла Катя и, вцепившись пятернями в волосы, стала раскачиваться на табурете. Может, удастся таким образом встряхнуть, уложить аккуратной стопочкой перепутанные мысли. Она размахнулась так, что стукнулась лбом о кровать. Удар получился сильный. Девушка взвыла от боли и обиды, что теперь на лице выскочит отвратительная шишка. «Будто без этого мало трудностей.»

Меркулова метнулась к холодильнику и, охая, приложила к голове замороженного минтая. Мерный гул рефрижератора и лёд немного остудили. Продолжая удерживать рыбину у лба, девушка вернулась в комнату и, сев на табурет, посмотрела в окно. На улице как ни в чём не бывало светило солнце. В его лучах игриво вальсировали снежинки.

«Работать в радужном мире бесконечных выдумок, цветных рисунков, добрых мультфильмов и кукол – что может быть увлекательнее? Я всегда ладила с детьми. Неспроста пошла работать учителем. Мне так нравилась роль наставника, я чувствовала себя ангелом-хранителем взрослеющих школьников.»

Меркуловой ничего не стоило уладить «неразрешимые» трудности младшего поколения. Она примиряла драчунов, унимала капризников, а ещё успевала подсказать, как быстро выучить стих или помириться с мамой. Кстати о мамах: родители подопечных даже не подозревали, сколь важную роль играла учительница в их отношениях с детьми.

Кате вспомнилось, как она предложила школьникам вести дневник настроения. Если день прошёл хорошо, в тетради полагалось нарисовать счастливую рожицу. Если случались поводы расстроиться или поплакать – грустную. Показывать дневничок было необязательно, но ребята охотно раскрывали «тайные тетрадки» перед Екатериной Андреевной. Они делились сокровенным и знали: учительница не наябедничает строгой бабушке или маме, издёрганной на работе.

Одна Катина ученица две недели подряд рисовала счастливую мордочку, но потом «колобок» надолго погрустнел. Осторожно расспросив, выяснила, что у девочки и впрямь появилась веская причина приунуть. Папа работает вахтами: две недели проводит дома, нежит и балует кровиночку. Отец и дочь вместе гуляют в парке, пускают самолётики, кормят птиц. Иногда они даже рисуют мелками сказочных героев на уныло-серых стенах домов. Потом на долгих две недели он уезжает работать и девочка чувствует себя до ужаса одинокой. Мама – бизнес-леди, возвращается домой к ночи усталая, раздражённая. Она редко целует дочь, а на «поболтать» времени вовсе не остаётся. Ещё есть бабушка. С ней-то девочка и проводит дома целые дни. Старушка постоянно ворчит на внучку. Девочка уже научилась заправлять постель, мыть посуду, пылесосить пол и гладить одежду. Но бабушка всё равно недовольна.

У Кати хватило такта не критиковать взрослых. Но она пригласила маму школьницы и, не раскрывая секретов, твёрдо сказала, что девочка нуждается в большей заботе.

– Нельзя пускать развитие дочери на самотёк, – выговаривала она матери.

– Я не успеваю. Не знаю даже, как быть, – бизнес-леди стушеввалась под грозным взглядом Меркуловой.

Катя предложила для начала завести домашнее животное. А ученице посоветовала заранее подготовиться к приезду папы, зарисовывать, что хорошего произошло с ней за день. Немного подумав, дала ещё и несколько книг вне программы и не промахнулась. Оказалось, что пятиклассница в восторге от подростковых детективов.

Как-то месяца через три ученица забыла на парте тетрадь с рисунками. Катя не удержалась – заглянула, и в глазах защипало. Почти на каждой странице светился радостью карандашный колобок, а рядом узнавалась сама Катя – то с указкой, то с книгой, то в наряде сказочной феи. Без сомнения, это была она. Дети! Какие они трогательные и благодарные! И тут же портреты папы – крепкого мужчины в строительной каске. Надо отдать должное маме девочки – по зарисовкам в дневнике Катя поняла, что в семье появился питомец – пушистая кошечка Алиса. Пока на страницах тетради не встретилось ни одного изображения матери. А ведь дочку она любит, точно любит. Катя поняла это по нахмуренным бровям, встревоженному взгляду, сосредоточенному постукиванию пальцев по парте. Кошку бизнес-леди завела, не задумываясь. Видимо, женщина не умеет быть ласковой и веселиться. Просто она погружена в мысли о работе, нервничает и срывается на близких.

«Ладно, – подумала тогда Катя, – начало положено. Я ещё придумаю, как помочь ученице и её маме сблизиться и стать роднее.»

Меркулова не подозревала тогда, что придётся так скоро уйти из школы. «Сколько детей я уже оставила без поддержки! А теперь брошу и Владу? Ну уж нет! Значит так тому и быть, – Катя закусил губу и уронила на детское одеяло несколько тяжёлых слезин. – Я обязательно вытащу Ладбóшку из тупиковой ситуации, в которую она попала. – и тут Меркулову осенило. Она встала и собрала волосы в тугий конский хвост. – Ничего... Мы ещё посмотрим, кто кого. Я принимаю бой! Я стану няней малышки и познаю полностью, что значит растить ребёнка. Как учёный, исследую мир материнства».

Катя подхватила на руки спящую новорождённую. Её глаза сверкнули. Появилась цель, ради которой стоило вставать по утрам. Она не позволит Владе превратиться в забитую девочку, потерявшую надежду, как сама Меркулова. Попробовав с Ладбóшкой, она научится то же самое делать и для других детей.

Через несколько лет Катя вернётся к Вёчеровым с ценными идеями и наработками, от которых они ахнут. Не как безработная, которую нужно облагодетельствовать, а как сильный эксперт по детскому развитию. Именно так она себе видела.

Глава 21

Вика с Игнатом ввалились в квартиру, когда на часах было уже далеко за полночь. Они перешёптывались, заливаясь смехом, и хлопали друг друга перчатками, отряхивая одежду от снега.

– Тихо! – пшикнула Меркулова, выглянув из спальни, – Дитя разбудите.

– Катька! Поздравляй! – завопила Стрельцова и кинулась обнимать опешившую подругу. В прихожей повеяло ароматом дорогих духов, перемешанным с едким запахом спирта.

– Я директор филиала! – взмахнула руками Вика, – Денжищ будет... выше форточки! Мы отменно погуляли! Грандиозный мужчина. Поладим стопроцентно.

– Поладят они! – вдруг набычился Игнат, – Ещё как поладят! Твою... судьбу! – зло стряхнув Викину руку с плеча, он помрачнел и отвернулся.

Стрельцова будто не заметила его внезапной перемены настроения. Она повалилась на бывшего любовника, цепко обхватив за шею:

– Я знала, знала! Обожаю тебя, Игнат, люблю! Ты просто заяц.

Мужчина качнулся и едва успел ухватиться за дверцу шкафа, чтобы не упасть.

Вика настойчиво подбиралась к его губам, не переставая щебетать:

– Пойдём, дорогой, на кухню. Надо отметить эту новость.

Но Игнат спохватился и решительно отодвинул бывшую даму сердца:

– Нет, не могу.

Стрельцова надула губки и сложила руки на груди:

– В чём дело?

Её глаза увлажнились, подбородок задрожал. Игнат стиснул зубы и повернулся к Меркуловой. Тёмный лоб разлиновали тревожные складки:

– Что вы решили, Катя? Согласны?

– Да, – на щеках девушки против воли заиграли ямочки. Она пыталась сдержать радость, видя, как нелегко приходится подруге, но не получалось. За несколько часов выстрадав решение стать домашним воспитателем Влады, она вдруг испугалась: что если планы переменятся? Вика не возьмут на работу, например? Или поговорят мамаша-папаша и надумают всё-таки позвать другую няню? А ведь Катя уже вообразила себя огромной северной медведицей, которая растит детеныша Умку. Она непременно расскажет крохе, как ловить рыбу из полыни, кому нужны созвездия и что за штука такая – жизнь.

Кате даже хотелось обнять Игната в знак благодарности, но она не решалась: Вика поймёт неправильно.

– Спасибо, – выдохнул мужчина с явным облегчением, – я знал, что вы не откажете. – он поймал Катины ладони и поцеловал их.

Вика скрестила руки на груди. «Подумаешь, великое одолжение», – читалось на лице. Видимо, ей казалось лишним благодарить тех, кому собираешься платить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.